
18+
Милена Фомина
ЛОЖНАЯ ИГРА,
ИЛИ
Одинокие в толпе

Милена Фомина

Ложная игра, или Одинокие в толпе

«Издательские решения»

Фомина М.

Ложная игра, или Одинокие в толпе / М. Фомина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-568509-4

Дорогой читатель!Рада, что могу поделиться с вами этой книгой! Надеюсь, на ее страницах вы найдете что-то важное для себя: быть может, это будут приключения или вдохновляющие пейзажи, а может, истории любви, после прочтения которых так верится, что счастье есть не только в романах. Возможно, вы найдете ответ или зададитесь вопросом, а может, и не одним. Надеюсь, вы найдете в этой книге что-то доброе, что согреет душу и поднимет настроение, что-то, от чего на одну улыбку в мире станет светлее.

ISBN 978-5-00-568509-4

© Фомина М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 35
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Ложная игра, или Одинокие в толпе
Милена Фомина

С благодарностью Родителям
Мы заигрались в суматохе дней.
Мы заигрались в собственные жизни.
Мы заигрались в суете речей.
Заложниками стали наши мысли.
Мы заигрались, позабыв себя.
Мы заигрались в череде событий.
Мы заигрались, обезличив «Я»,
На кон поставив свои души.

© Милена Фомина, 2022
ISBN 978-5-0056-8509-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

* * *

Сияние звёзд уже давно начало таять в брезжившем за горизонтом рассвете. Безоблачное небо с каждой секундой становилось всё светлее, приобретая нежные и чистые голубые тона, пока сохраняющие сизость ночи, ещё окутывающей небольшой приморский городок лёгким туманом влаги и прохлады наступающего дня.

Но вот подул ветерок, шелестя будто замершими на ночь кронами деревьев. Он и сам словно бы только недавно проснулся, а теперь будил своим прохладным прикосновением весь мир, увешанный в этот ранний час росой и едва согреваемый полупрозрачными лучиками восходящего солнца. Запели пташки, утренним гомоном подхватив звон прохладных капель. Шум ветра, который казался вовсе не тем, что был ещё недавно ночью, почти неслышно протекая по улицам прохладой донесённых с моря ночных запахов где-то неподалёку распустившихся ночных цветов, теперь нёс с собой совсем иные ароматы – летнего утра, такие знакомые и привычные для этого времени года, для этого времени суток.

Но стоило пронестись ещё нескольким минутам, таким ценным и насыщенным своей тишиной и дыханием Природы, вдыхая которые до головокружения, невозможно ими насытиться, остановить их ускользающих… Даже в памяти они постоянно будут сменять одна другую, а иначе – без непрерывного хода времени – думается, что не было бы и дуновений ветерка, каждый раз приносящего с собой новый порыв нежных и лёгких, словно бы улетучивающихся при каждом вдохе, хрупких и таких, кажется, непоколебимо вечных ароматов; не было бы, возможно, и жизни, текущей лишь вместе с ним, быть может, идущим где-то по-другому, но всегда идущим…

Словно по щелчку, очнулся и весь промышленный городок, где, казалось, каждый работал на каком-нибудь заводе, предприятии. Вскоре небрежная и ещё полусонная суета людскими толпами вылилась из домов на улицы, шествуя по ним словно стройными рядами, в которых никто ни с кем не переговаривался, точно никто никого не знал… не замечал, будто и не было для каждого из них всей этой толпы, не было и ясного утра, чарующих своей терпкой и лёгкой сладостью летних ароматов. Будто тот самый ход времени был придуман лишь

для того, чтобы разделить его на часы работы, обеденных перерывов, передвижения из дома на работу и обратно… И как уж в таком плотном графике найти место для мира, прежде всего, внутри себя?..

Как найти в нём место и для созидания, если в этом городке даже на работе каждый на автомате выполнял требуемые действия, так и живя словно на автомате…

Но как такое может быть? Ведь люди не роботы. А раз так, то они порой в чём-то заблуждаются. А раз так, то и это им для чего-то нужно…

Глава 1

Униформа каждого из промышленных отделов не сильно отличалась друг от друга, а точнее, она отличалась лишь бирочками, символизирующими тот или иной цех. На грубых лоскутках, пришитых к форме, были выведены кодовые номера сотрудников и машин, за которыми они работают. В женский гардероб входили несколько выдаваемых по заказу серо-коричневых платьиц и белые платочки из такой же ткани, которые использовались как косынки. У мужчин были стандартные штаны, окрашенные в тёмный, но тусклый, синий, или стандартные комбинезоны такого же цвета с белыми рубашками.

Чтобы не тратить время на работе, все с утра надевали форму и как по часам вываливали на улицу.

И снова такой привычный и уже какой-то родной гул каблуков горожан, спешащих на работу. Кажется, что каждый их шаг выверен с точностью до секунды, что каждый их взгляд и поворот головы совершаются как будто не самими людьми, а словно голова сама по себе машинально поворачивается в нужный момент, да и ноги, вне зависимости от дум их обладателей, отчеканивают по наливающейся размыто-алыми оттенками рассвета брусчатке, медленно нагревающейся от них и дрожащей в такт ступающих каблуков.

Но Природа… Её тяжело обмануть, а если и удастся запутать, то она непременно возьмёт своё. Однако даже она, величественная, словно с немой грустью наблюдала за людьми, как и всегда преподнося им свои дары… Радуя восходящим летним солнцем.

Промчался ветерок, искусно кружа меж потоками людей, меж судьбами и меж временами. Не сбавляя силы порыва, он только прибавлял мощи, проносясь под нагревавшими лица солнечными лучами, прохладой раннего утра словно пробуждал людей в очередной попытке обратить на себя внимание.

– Ах!.. – на вдохе вырвалось у девушки, платок которой сорвало игривым ветерком. Её каштановые локоны, поддавшиеся дыханию летнего рассвета, с разносимыми мягкими порывами ветерка трелями птиц заструились, поблёскивая отражениями тёплых лучиков юного лета.

Успев подхватить соскользнувшую с мягких волос ткань, девушка, точно стыдясь произошедшего, поспешила вновь завязать её ещё более тугим узлом, чтобы прикрыть уголком спадающие, струящиеся локоны.

Сердце девушки часто забилось, предчувствуя что-то. Она и сама прибавила шаг, будто пытаясь нагнать упущенное. Упущенное мгновение, которое теперь, быть может, подарило ей нечто большее…

– Я, конечно, разных девушек видел, но чтобы таких красивых, это впервые… – раздался чей-то молодой и глубокий голос с едва уловимой утренней хрипотцой.

Девушка вздрогнула, резко и неожиданно для самой себя дёрнув головой в сторону молодого человека. Почему-то боясь полностью обернуться к нему, она, покрывшись румянцем испуга и какого-то необъяснимого ей самой стыда, поспешила отвести случайный взгляд, лишь краем глаза задев обратившегося к ней юношу.

– И таких неразговорчивых тоже… – тихо добавил он себе под нос, улыбаясь. Его слова тут же растворились в лёгком порыве прохладного ветерка.

Не помня себя, девушка поспешила прочь от незнакомца. Она решила удалиться с глаз шедших рядом людей, волей-неволей ставших участниками произошедшего. Волей-неволей посмотревших на девушку и вскользь поправивших свои головные уборы…

Тёпло-жёлтый луч, сияющий рассветом разгорающегося дня и ещё сохраняющий розовато-алую палитру восходящего солнца, переливался отблесками многочисленных пылинок,

словно повисших в воздухе. Через отворённую настежь широкую дверь он проник в один из отделов цеха, в котором с каждой минутой становилось всё многолюднее и многолюднее.

Вскоре сюда взбежала девушка, взмыленная быстрым шагом и сбитая с толку встревоженными мыслями. Не сбавляя шаг, она направилась в самую гущу машин, станков и людей, оставляя после себя лишь закружившиеся в незримом танце пылинки.

Почти каждый, кто уже пребывал на своих рабочих местах, обернулся на девушку, нарушившую своим видом и столь молниеносным и взбудораженным появлением какой-то немой распорядок, неукоснительный без всяких объяснений и словно неподвластный каким-либо мотивам, просто данный, должный к исполнению без лишних осмыслений.

Прошло ещё несколько мгновений, наполненных шумом и размеренной, выверенной в действиях и временных границах суетой, как всё будто по щелчку смолкло, словно подвластное чьему-то неслышному счёту: один, два, три…

И в мгновение ока огромное помещение, ласково освещаемое рассеянными лучами, погрузилось в гул и скрежет станков, одновременно начавших свою бесперебойную работу.

Сегодня девушка окончила работу как по часам, впрочем, как и все, как и всегда, но теперь… Теперь делая это как-то осознанно.

Она поспешила слиться с толпой и незаметно прошмыгнуть домой.

Снова вечер окутывает их городок, стелясь синевато-сизым туманом, словно отражающим потемневшее небо, каким-то душным, но в то же время промозглым и влажным. Он промчался по опустевшим улочкам, в которых, казалось, уже задремало и само эхо, дожидаясь нового рассвета и начала рабочего дня, ведь теперь лишь прохладный ветерок прогуливался меж домов лёгкими сквозняками.

Один… два… три… И в городке погасли все огни, ещё недавно рассеивая своим мягким тускловатым светом и едва слышным его потрескиванием синеву и, казалось, даже тревожное безмолвие приближающейся ночи. Смолкло всё, кроме задуваний ветерка, шелеста листьев и далёкой трели сверчка…

На небольшой столик под зеркалом легла расчёска и новая выглаженная косынка, приготовленная для завтрашнего дня. В это время всегда гасли огни, а уже заранее зажжённая свеча трепыхающимся под неслышным дыханием девушки пламенем нежно освещала небольшую комнатушку. По стене, противоположной от узенького столика, выполняющего роль трюмо, располагалась скрипящая кровать, изголовьем направленная в сторону закрытого оконца. Здесь, придвинутая к столику, стояла и ещё одна ныне пустующая кровать, на которой раньше спал старший брат девушки, но теперь он уже давно жил не с ними, а спальное место так и осталось, несмотря на свою теперешнюю ненадобность. Очевидно, хозяева не убирали кровать, только лишь чтобы не оголять стену, не нарушать привычную взору расстановку мебели.

В комнате было тепло и привычно пахло зажжённой свечой и старенькими, но чистыми покрывалами.

Выполнив все необходимые приготовления и заплетя косу, переливающуюся при свете ласкового огонька тёмным золотом, девушка, не замечая своего отражения, уже привстала и хотела было направиться к кровати, но что-то остановило её.

Она вновь присела, но уже на самый краешек придвинутой к столику табуретки, осторожно поднимая взгляд на зеркало, на себя… Из отражения на неё смотрела миловидная девушка с мягкими чертами лица, карими крупными глазами и в меру пухлыми губами. На её щеках почему-то забагровел румянец, оттенённый каштаново-шоколадными, золотящимися локонами. Вдруг она резко отвела взгляд и, забыв потушить свечу, поспешила к своей кровати, затем вновь возвратилась и отрывистым дыханием погасила нежный, словно бутон небольшого сказочного цветка, огонёк.

По комнате, погрузившейся во мглу ясной ночи, растворился лёгкий дымок своим родным и настолько приятным ароматом, что всякий раз, его вдыхая, невозможно пресытиться

этим сладковато-терпким и в то же время мягким запахом, сочетавшим в себе столько тёплых воспоминаний, приумножавшихся смазывающимися в памяти вечерами, казалось, не имеющими счёта.

Раз, два, три… И в городке погасли все огни.
Раз, два, три… И смолкли даже чьи-то сны.
Раз, два, три… Раз, два, три…
Раз, два, три… Растаяли под этот счёт мечты.
Раз, два, три… Казалось, стихли и часы.
Раз, два, три… Раз, два, три…
Раз, два, три… Всё по щелчку, под этот счёт.
Раз, два, три… Кому известен сей черёд?
Раз, два, три… Раз, два, три…
Раз, два, три… Кто тот незримый дирижёр?
Раз, два, три… Кто дней ведёт сей перебор?
Раз, два, три… Раз, два, три…
Раз, два, три… Кто кладёт ноты в стройный ряд?
Раз, два, три… И кто придумал этот лад?
Раз, два, три… Раз, два, три…
Раз, два, три… Не мы ли авторы его?
Раз, два, три… Не мы ли детища того?
Раз, два, три… Раз, два, три…
Раз, два, три… Но ноты-дни лишь нам даны.
Раз, два, три… Мелодии их – звук судьбы.
Раз, два, три… Раз, два, три…
Раз, два, три… Так, может, будем не считать.
Раз, два, три… А жизни музыку слагать?..
Раз, два, три… Раз, два, три…

Последующие дни девушка пребывала более чем в напряжённом состоянии, что не могло остаться незамеченным. Она постоянно будто опасалась чего-то, но никто из работающих вместе с ней даже на одном станке не спросил об этом, возможно, невольно растеряв эти мысли в шуме работающих машин.

Так дни сменяли ночи, за которыми вновь наступали рабочие будни. Все как на подбор, словно переняв привычки людей, они следовали друг за другом стройной вереницей часов, став для последних безынтересными и однообразными. Уже совсем было не важно, что почти каждую секунду у них (у людей) над головами сменялись порой неподвластные человеческому воображению небесные пейзажи, а что говорить о неповторимых рассветах и закатах… Забылись даже они, даже эти пейзажи как неповторимые отпечатки пальцев людей… Потерялось даже это очевидное, что в буквальном смысле у нас на ладонях. Как же сами дни, сама их душа, как же наши души?

Вновь огромный зал ткацкого цеха погрузился в гул и скрежет работающих машин. Шум отлетал от прочных стен, но вновь возвращался, раздаваясь, вибрируя под потолком, уже чуть тише и более глухо. А стены всё продолжали принимать звонкое эхо непрерывно следующих и отбивающих с новой силой ударов механизмов. Казалось, что если даже разом выключить все станки, их эхо ещё долго не утихнет здесь, накатывая по несколько раз волнами, не растворяющимися в водной ряби до того момента, пока не совершат свой почти незаметный, а от того и неведомый цикл.

Словно длинные вилы, словно пяди машин, вновь сходятся механизмы, накладывая очередную строчку плотной ткани с уже различимым узором. В отсчитанные и тем самым ставшие строгими минуты небольшой паузы нежные и хрупкие женские руки ловко продевают

очередную нить сквозь зубья станка. Вскоре последние вновь неумолимо сомкнутся, как будто и не зная об этих руках, не дожидаясь их, но тем и создавая то непрерывное движение, лишь с помощью тех рук рождая всё новые узоры на полотне ковра.

«Но что, если продеть нитку иначе?» Девушка на миг оторопела как от этой мысли, так и от идей по поводу её воплощения в реальность.

– Ты чего? – звонкий и немного охрипший от молчания, едва не сорвавшийся женский голос словно пробудил её, возвращая в чувства. Её, на миг погрузившуюся в мысли.

Она же едва успела обогнуть нить меж шпилей станка, которые вновь сомкнулись в твёрдой хватке в тот самый миг, когда девушка одёрнула руки. Почудилось, что он и сам специально выждал эту секунду, чтобы не ранить девушку.

– Ты в своём уме?! Чуть ли останавливать не пришлось, – прокричал уже другой, более мелодичный и томный, голос, плавность которого смолкала в напряжённых связках, оставляя лишь дребезжащие выкрики, раздававшиеся сквозь шум и грохот работающих машин.

Девушка отпустила сконфуженные мысли, которые, однако, вовсе не собирались покидать её насовсем.

Уже давно вечер золотил небосвод нитями облаков, окрашенных яркими и тёплыми лучами скрывавшегося за горизонт солнца, вскоре оставляя лишь лиловые, приглушённые кораллово-малиновые, тёмно-оранжевые цвета, цвета охры, тёмно-салатовой бирюзы, так и оставшиеся незамеченными случайным взглядом.

Помещение цеха было окутано тускловатым светом светильников, отбрасывающих от людей и предметов неяркие, полупрозрачные тени. Вмиг, как по взмаху невидимого дирижёра, затихли моторы станков, вместо которых помещение окутала лёгкая суета и гул спешащих разойтись по домам работников.

Девушка замешкалась, то делая вид, что что-то закатилось под станок, то будто проверяя его исправность после рабочего дня. Минуты тянулись невыносимо долго, вскоре она уже просто сидела на корточках позади машины, готовая в любую секунду опустить голову в поисках закатившейся детали. Но никто так и не заметил её, погасив свет и заперев тяжёлую железную дверь, начавшую ржаветь в редких местах протяжённых царапин – то ли от запоров, то ли от чего-то иного.

Немного привыкнув к темноте, девушка медленно привстала, выглядывая из-за станка. В небольшие окна по краям не острого угла двускатной крыши проникал тусклый, вновь мерцавший витающими в воздухе пылинками прохладный свет, рассеивающимися лучами обозначая силуэты машин и иных приборов помещения.

Сердце девушки судорожно заколотилось от накатившего необъяснимого страха. Ей показалось, что она ещё ни разу не пребывала в столь лишённом света помещении, ведь когда в городе гасли огни, через тонкую занавеску в оконце её комнаты всегда, даже в самую пасмурную ночь, проникал небесный свет, успокаивающий и согревающий своим непоколебимым присутствием. Он не обращал на себя внимания, он просто прогонял темноту, напоминая о чём-то вечном и необыкновенно любящем.

Девушка подняла голову, устремив взор на небольшие и единственные окна цеха. Вновь всё тот же ласковый свет… Она глубоко выдохнула, переводя дыхание от учащённого сердцебиения. Посмотрев ещё немного на эти лучики ночного сияния, она снова перевела взгляд на дверь. Глаза постепенно привыкли к почти невидимому освещению, и девушка направилась в сторону двери. Сердце ускорило свой ход, когда она остановилась у самой ручки. Дрожащей рукой девушка дотронулась до её прохладного дерева, проведя чуть вбок, каждый раз немного отнимая кончики пальцев от холодных железных балок, она нащупала связку ключей, по всей видимости, отворяющих дверь изнутри. Но зачем? Разве дверь запирают и в рабочее время?..

Девушка отвела взгляд, ненадолго переводя дыхание и как бы отвлекаясь от преследующих мыслей. Сперва она почему-то побоялась нарушать тишину цеха, но вскоре слега нада-

вила, скорее едва облокотилась на дверь, упираясь ладонью в леденящую железную поверхность. Приятно леденящую, остужавшую своим прикосновением, проясняя мысли и бодря чувства. Затем надавила сильнее и… протяжно скрипнув, оглушая задремавшее эхо помещения, дверь поддалась, вмиг осветив половицы хрупким и показавшимся таким ярким лучиком света, который излучал стоящий вблизи фонарный столб.

Открыто улыбнувшись, девушка судорожно и прерывисто выдохнула. Но разве дверь не запирают на ночь? Она стояла, опустив взгляд на яркий круг света под фонарём, освещавший неровности, каждый камешек дороги. Быть может, кто-то неизвестный всё же заметил её и, не говоря об этом всем остальным, не отмечая себя, просто оставил дверь отворённой, тем самым обнаружив себя среди уходящей толпы. Себя безымянного, но обличённого.

Дул прохладный ветер, становясь таким лишь от своего движения, неся с собой ароматы летнего позднего вечера. Такие глубокие и нежные… почему-то такие непривычные, хотя и до боли знакомые. Девушка мягко улыбнулась. Было так необычно испытывать тепло чьей-то помощи, чьего-то ненавязчивого и такого сокровенного внимания, такого простого и такого вроде бы обычного, но в то же время неповторимого, неоценимого, ни с чем не сравнимого. Приятно и от одного осознания, что есть кто-то такой, о котором она раньше не знала. Быть может, такие многие… такие, которых мы встречаем каждый день, не зная о них по-настоящему.

Опомнившись, она отворила дверь настежь и поспешила к своему станку, стоявшему чуть в глубине зала, на который сейчас приходилась толстая полоса света.

Девушка, затаив дыхание, аккуратно, словно впервые, взяла нить, которая лишь при боковом свете огонька казалась непривычно тонкой и хрупкой. Вначале она продела её, как это делает обычно, но выполняя эти движения не на автомате, а будто придумывая их заново, чувствуя их. В тот же миг окутала лёгкая радость от того, что это уже было придумано, от того, что это есть, и от того, что она сама смогла это повторить. Затем она немного поменяла расположение нитей, иначе обводя их вокруг спиц. Девушка хотела придумать новый узор, а быть может, и узоры, разнообразившие бы один и тот же рисунок на всех изготавливаемых коврах, дополняя его, возможно, на некоторых изделиях служа самостоятельным орнаментом. Но эти мысли были так глубоко, так неявно проходили тонкой, почти неразличимой нитью, что девушка, казалось, не думала об этом напрямую. А сейчас… Она просто делала это. Делала, отдаваясь этому делу. Делала, робко веря в себя, веря, что получится. Делала, создавая нечто светлое и прекрасное, от чего и другие, быть может, улыбнутся…

Думается, всякое искусство подразумевает творчество, но не каждое творчество становится искусством. Быть может, искусство лишь то творчество, которое несёт Свет и Добро, от которого хочется жить и любить.

– Где же, где же, где же ты… – шёпотом на выдохе произнёс юноша, словно напевая эти слова.

Он глубоко вдохнул наполненный уже ночной свежестью воздух, приносящий с собой далёкие ароматы моря, каких-то сладких и неизвестных цветов, трели полночных птиц, только начинающих распеваться, всё ещё оставляя лёгкий привкус дневной духоты, осевшей на землю, чтобы растаять с предрассветной влагой тумана.

В воспоминаниях вновь и вновь всплывали те мгновения внезапного порыва прохладного летнего ветерка, остужавшего пригреваемый ласковыми лучами воздух и спешащих на работу людей, её… Юноша, должно быть, невольно напугал девушку, и теперь это стало своеобразным поводом снова встретиться. С того дня он искал её, искал в утренней толпе, в вечерней… Сегодня, вновь не найдя, юноша решил прогуляться по опустевшим улицам вместе с лёгким ветерком, обдувавшим резкими порывами, леденящими кровь, но не нагоняющими грусть. В его сердце теперь теплилось и трепетало ожидание чего-то светлого, чего-то, что приближалось с каждой секундой молчания, тишины, гула иль суеты…

Но что это?..

Увлечённая составлением нового узора девушка и не заметила, как в широкой полосе света появилась тёмная фигура, отбрасывающая длинную тень, почти доходящую до станка.

– Ты?! – чей-то знакомый голос разбуженным эхом ворвался в помещение, тихо и неразборчиво отлетая от стен и сводов потолка, вновь проваливаясь в сладкую дрёму спящего цеха.

От неожиданности девушка вздрогнула, немного подпрыгнув и выронив нить. Она тут же обернулась в сторону юноши, тотчас же узнав его, притом не видя лица, да и не помня силуэта.

– Но что…

В его голосе читались нотки удивления и даже испуга.

– Стой! – вскликнула она, почувствовав, что незнакомец сделал шаг вперёд. Сердце вновь учащённо билось, но почему-то в этот раз девушка не испытывала того страха, как ещё несколько минут назад, если не наоборот, почувствовав лёгкое успокоение и блышую уверенность. *о*

Юноша осёкся, сделав шаг назад. Девушка заметила, как он, должно быть, улыбнувшись, поднёс руку тыльной стороной ко рту.

– Кхм… Ты прости, если я тебя напугал тогда… да и сейчас… – ей показалось, что он вновь улыбнулся, но уже как-то затейливо, умильно и немного сконфуженно.

Девушка молча и настороженно смотрела на тёмную фигуру юноши, так и не спеша поднимать нить.

– Как хоть тебя зовут? – тихим, но звонким, с глубокими и одновременно приглушёнными отголосками эхом он прервал тишину помещения, как будто вовсе не сонную, а сосредоточенную и напряжённую, повисшую над ними.

Продлив её мгновения, девушка ответила:

– Шестнадцать А дробь пять.

Вновь наступила пауза, но уже иная, чуть недоумевающая, чуть сконфуженная… И хотя длилась она совсем не долго, обоим показалась затянувшейся.

– Н-да… Смотрю у твоих родителей богатая фантазия… – казалось, юноша опять улыбнулся.

– Пятый станок, – одновременно вымолвила девушка, сделав особый акцент на последнем слове, выразительно и серьёзно смотря на поменявшегося в лице юношу, который, хмыкнув, немного горько улыбнулся, по обыкновению прикрывая рот тыльной стороной руки. Возможно, он даже погрустнел, на мгновение задумавшись над чем-то.

– А зовут-то тебя как? – вновь повторил он вопрос, оставляя шутливые нотки. На мгновение ей показалось, что он стал каким-то другим, осталась тем же, оставаясь собой.

На лбу девушки появились морщинки напряжения. Она впервые отвела от него взгляд, словно задумалась.

– Таисия…

Морщинки на её нежном лице лишь углубились, а к ним добавились тревожные ямки вокруг плавно очерченных бровей. Казалось, ей и самой было непривычно слышать это сочетание звуков, имеющих к ней непосредственное отношение и являющихся в своём роде её частью, звуки её же имени, звуки, которые во всей толпе будут обращены именно к ней, выделяя её, зовя её.

Показалось, что юноша вновь мягко улыбнулся:

– Значит, Тайка… – тихо заключил он.

Теперь он смотрел на неё как-то более внимательно, нежно и изучающе.

Воцарилась пауза, звенящий трепет эха которой оба уже не замечали, погружённые в мысли. «И всё же, кто он такой и зачем ему такая информация?» – встревоженно думала девушка, переключаясь со своих не совсем объяснимых, немного смешанных и будто ском-

канных чувств, пока не дававших ходу даже несмелым мыслям. Она вновь остановила на нём напряжённый, усилившийся тревогой и негодованием взгляд.

– Меня Грэгард, – видимо, немного иначе восприняв её взгляд на свой счёт, промолвил юноша, – Грэд, Грэг… Грэдди, – он вновь улыбнулся.

– А мы с парнями, конечно, иногда так шатаемся без дела…

Они медленно шли по опустевшим улицам, когда юноша одухотворённо и взбудоражено рассказывал про себя, временами с лёгкой взволнованной и нежной улыбкой оборачиваясь на девушку, всё ускоряющую шаг.

– А иногда?.. – плавно приостанавливаясь, она недоверчиво и даже боязливо покосилась на юношу. Тот, вновь улыбнувшись мыслям девушки, хмыкнул, едва заметно наклонив голову и чуть приподняв руку в привычном жесте, так и не донося её до лица.

– Ты не подумай, я… – не отпуская улыбки, хотел было объясниться юноша, подбирая слова.

– Так. Спасибо, – отрезала девушка, – дальше я сама.

– Ты уверена? – с опаской смотря в сумрак переулков, юноша перевёл на неё взгляд.

Они остановились посреди небольшого перекрёстка, соединявшего несколько улиц и улочек поменьше, уходящих вдаль скверами и переулками, погрузившимися в ночную, почти непроглядную темноту.

В паре шагов от них стоял фонарный столб, освещая всё вокруг своим тускловатым, не приторно тёплым, а каким-то зеленоватым светом, от чего казался ещё тусклее. Тем не менее рассеивающийся круг его света касался стен домов безлюдных в этот час кварталов.

– Вам, наверное, уже пора, – молчаливо выжидая, девушка ещё долго по сравнению со всеми былыми, обращёнными на юношу взглядами смотрела на него, невольно улавливая особенности мимики, лёгких морщинок.

– Кхм, – на мгновение смерив её недоумевающим взглядом, он вновь ухмыльнулся, символично прикрывая рот тыльной стороной руки, и вскоре медленно исчез в темноте переулков.

Чуть расслабившись после ухода юноши, смотря ему вслед, девушка обнаружила, что всё это время её губы были напряжены в слегка различимой, выдаваемой лишь взглядом лёгкой улыбке. Она тут же опомнилась и вскоре, выждав, пока его фигура скроется в сумраке улиц, и тем убедившись, что он больше не сможет проследить за ней, девушка развернулась и рванула в глубь построек.

Постояв ещё немного за углом, юноша снова хмыкнул, улыбаясь чему-то, а затем глубоко вздохнул и удалился сам.

Резко хлопнула входная дверь, разнося ошарашенное собственным грохотом эхо по всему дому. Запыхавшаяся и покрасневшая от быстрого бега и переживаний девушка тут же поспешила плотно затворить её на все замки, после надевая небольшую цепь на прибитый гвоздик. Только после этого она обернулась, чуть ли не столкнувшись с мамой.

– Где ты была? Что случилось?! – взволнованная и напуганная, она одновременно заботливо навалилась на девушку с вопросами.

– У станка, – кратко ответила последняя, ещё не отдышавшись.

– Но… но все уже давно как разошлись по домам!? – во взгляде женщины заиграла ещё бóльшая тревога. Она вглядывалась во взмыленное лицо дочери, в её растерянные, напуганные и широко распахнутые глаза, как когда-то в детстве…

– Просто нитка оборвалась, – тихо отозвалась девушка.

Видимо, найдя правдивыми её слова, а точнее взгляд, женщина чуть успокоилась, всё же не отступаясь от поиска истины.

– А почему бежала? – не оставляя тени сомнения, уточнила она.

– Темно, – отрывисто и едва слышно произнесла дочь, открыто смотря в глаза. Этот взгляд действительно был полон испуга, что заметил бы даже невнимательный посторонний взор, не вглядывающийся и не смотрящий в самую душу, как это может мать.

На лице женщины появилась едва заметная улыбка. Она приобняла дочку, утыкаясь в её выбившиеся локоны.

Неловко отпрянув от девушки, она вскоре вымолвила сухо, как обычно: «Ужин на столе». Позже добавив: «Умойся и ложись спать».

Эти слова, повисшие в воздухе, теперь не казались девушке прежними, теперь они казались ласковыми, нежными и тёплыми, как мамины руки. Ей хотелось вновь прильнуть к ней и крепко обнять, нечаянно проронив слезу. Но что-то мешало это сделать. Что-то странное и непонятное, что пока было выше них.

Глаза девушки покраснели от непролитых слёз, и, опустив их, она поспешила приступить к обыденным после прихода домой делам.

Таисия уже лежала в кровати, полупроваливаясь в сладкий, но немного тревожный сон, окутанный лёгким дымком только-только затушенной свечи… Всё же её сердце сильно колотилось, будя гулом ударов, отдающихся в груди, и эхом разносясь по всему телу. Но вскоре на задний план отошли волнения уставшего дня, уступая место лёгкой и, быть может, так и не замеченной девушкой улыбке воспоминания сегодняшнего разговора с мамой. Это были те редкие мгновения, когда они не перекидывались встроенными в график и ставшими сухими фразами, за которыми где-то глубоко скрывались забытые в нём же чувства, а делились друг с другом настоящими, спонтанными эмоциями, здесь и сейчас выражающими настоящие, открытые, ещё не завуалированные хотя бы во взглядах чувства.

Порой мы почему-то боимся выражать их, а чаще это бывает труднее сделать к тем, которых мы больше всего любим… Порой уже и просто обнять любимого человека становится чем-то глупо странным и необычным.

На следующий день девушка как по часам окончила работу и поспешила домой. Однако на выходе она немного притормозила, выжидая, пока все начнут покидать цех, чтобы смешаться, слиться с людским потоком, становясь незаметной и неразличимой в первую очередь для вчерашнего незнакомца. Сердце девушки вновь отбивало учащённый ритм. Ей почему-то казалось, что сегодня они снова встретятся.

Словно заброшенный и затихший, городок с опустевшими улицами, по которым весь рабочий день разгуливал лишь лёгкий ветерок, разнося по округе волшебные и едва поддающиеся описанию ароматы лета, когда в полдневный час замолкали птицы, и даже прохладные порывы, казалось, притихали на время, а всё вокруг будто замирало в ожидании чего-то, наполнился шумом и суетой. Наполнился жизнью, которая протекала будто в стороне от него, в стороне от жизни…

– Где же ты?.. – снова шептал юноша, уже давно стоя у знакомых ему дверей, становящихся какими-то важными, обретающими фон воспоминаний, обретающими смысл. В местах прикреплённых к ним каркасных балок и небольших потёртостей от закрывающих механизмов едва ли виднелась ржавчина. Он снова вглядывался в толпу незнакомых лиц и силуэтов, манер и взглядов.

Вскоре этот поток людей слился с ещё одним, вышедшим из соседнего цеха. Всё труднее и труднее было найти ту одну, ту единственную…

Отчаявшись, юноша сбавил шаг, проталкиваясь через толпу и пытаясь сойти на обочину, ведь иначе его могло просто снести этим течением…

– Тая! – крикнул он, но его голос не подхватило эхо, подавленное шумом шествующей мимо толпы, гулом шагов куда-то вечно спешащих людей.

– Тая! Тая! – закричал он без умолку.

Но что это? Девушка сбавила шаг, прислушиваясь к доносящимся откуда-то неразборчивым звукам. Испугавшись, что кому-то нужна помощь, она и вовсе почти остановилась. За стуками сердца и суетностью давящей толпы она не могла разобрать слова, но, казалось, что этот голос ей знаком. Казалось, что этот голос зовёт именно её.

Это он. Словно разбуженная этим осознанием, она продолжила путь. Она будто не замечала этот клик, услышав его.

Вокруг начинался ранний закат, медленно и тихо окрашивая небо в нежные розово-персиковые палитры.

Через некоторое время голос смолк, показалось, что на мгновение вместе с ним смолкли и все звуки, весь мир, ранее незаметным фоном окружающий её, вся толпа… не смолкло лишь сердце, оглушительно стуча… стуча ей.

Не помня себя, Таисия сошла на край дороги. Она перестала слышать, но одновременно с тем звуки, словно отлетая от огромного барабана, преумножались и доносились до неё уже несвязным гулом. Её окутала вводящая в ступор, обездвиживающая паника. Сердце стучало так быстро, а все его удары слились воедино. Эти ощущения были страшны, но ещё страшнее было потерять их и тот клик…

– Тая!.. – тихий и где-то глубоко в сердце дрожащий голос раздался совсем близко, едва выводя девушку из окутавшей пелены.

– Тая?.. – кто-то коснулся её руки.

Резко вдыхая, девушка очнулась и, одёрнув руку, взглянула на незнакомца.

Он встревоженно смотрел ей прямо в глаза, испуганные и негодующие, на мгновения остановившиеся на его взгляде.

У него были карие глаза по самой радужке, переходящие в холодно-голубой и сохраняющие миндальные прожилки ближе к зрачку. Он смотрел на неё, проявляя соучастие, переживая за девушку.

– Я просто забыл вчера спросить, – интонации стали отрывистыми и энергичными, немного шутливыми, не утрачивая заботливой и нежной тревоги.

Таисия смотрела на него уже с едва заметным прищуром. Над бровями вновь появилась напряжённая морщинка, а взгляд стал отдалённо похож на вчерашний – чуть с укором, немного строгий, отстранённый, будто с трудом удерживающийся на юноше, спешащий куда-то. Но одновременно этот взгляд был так глубок и пронзителен, так горяч и внимателен, что юноша на мгновение забылся, растерявшись.

– Ты не будешь против личного пажа, который каждый вечер будет сопровождать тебя до дома?.. – уже привычно улыбаясь, спросил он.

Девушка ничего не ответила, лишь опустила взгляд.

Вскоре смотря ей вслед, Грэгард едва заметно улыбнулся, больше отводя левый уголок губ, из-за чего там появилась ямочка.

– Значит, да… – прошептал он чуть погодя и, не отпуская мечтательную улыбку, побрёл куда-то прочь.

Тёплый вечер вновь окутал сизой пеленой, принося с собой прохладу дуновений летнего ветерка, который будто сменился, становясь более мягким и нежным, каким-то приятным и немного таинственным. Он доносил из детства сказки прошлого, которые, казалось, паря с этим ветром в настоящем, неизбежно летят в будущее.

Таисия вновь на мгновение задержалась у окна, одёргивая шторы. Раз, два, три… И снова потухли фонари, а город погрузился в изумрудный бархат позднего вечера, совсем не такого тёмного и хмурого, каким был ещё вчера. Вдали виднелись разбелённо-салатовые размытые полосы отыгравшего заката. Каким он был сегодня?.. С каждым днём ночи становились всё короче, ласково пробуждая своим тихим светом, будоража дух и заставляя сердце биться чаще…

Прервав едва начавшиеся, но будто уже такие давние, словно проясняющиеся в сознании не с единственной точки, а целыми «сюжетами», «зарисовками», сформированными ранее, мысли, почти не заметно продолжающие свой ход, вновь проскользнули в задумчивом взгляде девушки, оставаясь уже на следующий раз, когда вечером она снова подойдёт к окну занавесить шторы, на мгновение остановившись…

Отведя взгляд от окна, Таисия опустила руку, придерживая всё это время плотную ткань, теперь мягко и почти бесшумно упавшую и прикрывшую свет наступающей ночи.

Густые локоны спадали по лицу, когда девушка опустила голову, всё ещё оставаясь у окна. Убрав прядь за ухо, она, по обыкновению, подошла к небольшому столику, выполняющему роль трюмо. Казалось, что ей не хотелось собирать волосы, но руки будто сами скользнули по гладким локонам, быстро перебирая их пальцами и укладывая в стройную косу. Задумываясь над этими движениями, можно без труда спутаться в них, казалось бы, таких простых.

Но почему сегодня она не сказала «нет»?

Глубоко вздохнув, девушка затушила свечу, легко поддавшуюся её уставшему на предшествующем вздохе дыханию. Будто зная сложившийся распорядок, свеча потухла, словно была готова развеять тихий аромат дымка по комнате, лишь только девушка сложит губы дудочкой.

«В любом случае с ним стоит быть осторожнее…» – продолжила в мыслях девушка, уже лёжа в кровати и проваливаясь в дрёму, не успев даже улечься поудобнее и поправить одеяло.

Уже пролетело немало сбитых со счёту дней. Грэгард каждый вечер встречал девушку неподалёку от ворот цеха, провожая до ставшего «их» перекрёстка, на котором они обычно расставались.

– У тебя есть какая-нибудь мечта? – спросил юноша с едва уловимой нежной улыбкой, задерживая любопытный взгляд на Таисии.

– Мечта? – удивлённо переспросила она, задумчиво потупив взгляд и как бы выкраивая этим вопросом немного времени для раздумий.

Он снова улыбнулся.

– Я не знаю… не думала, – не торопясь лишь бы ответить и поскорее прекратить разговор, а медленно, не отпуская дум, после повисшей паузы произнесла девушка.

– А я думал… – Грэгард вздохнул, переводя взгляд с девушки, устремляя его куда-то вдаль, то ли глубоко в прошлое, то ли далеко в будущее, куда-то в себя, – но, правда, толку от этого? – он хмыкнул, немного горько улыбнувшись. – Знаешь, если бы дед в своё время не заставил меня учиться, то… – юноша как-то обречённо покачал головой, – то я бы до сих пор шатался по улицам без дела.

– А сейчас? – загадочно и многозначно улыбаясь, уточнила девушка.

Прочтя её улыбку, юноша тоже улыбнулся, едва преподнеся тыльную сторону руки ко рту, затем немного наклонил голову и хмыкнул.

– А сейчас… – снова глубоко вдохнув, начал он, – я работаю… девушку встретил… – он с мягкой улыбкой обернулся к ней, замедлив ход.

Наступила лёгкая, словно парящая тишина. Опомнившись, Таисия отпустила улыбку, отводя взгляд.

Вскоре они в безмолвии продолжили путь.

Дул лёгкий тёплый ветерок, иногда усиливая порывы. Они, по обыкновению, шли позади спешащих по домам людей. Таисия уже привыкла к нескорому шагу юноши, порой начиная идти ещё медленнее, наслаждаясь тихим ходом времени и обдувающими ароматами ветерка – едва душноватыми, такими сладкими, но не приторными, свежими и сочными. Так пахла листва, ещё сохраняющая лёгкие медовые оттенки.

– А я иногда хочу что-то поменять, – погружённая в мысли, произнесла девушка, – но боюсь… потерять то, к чему привыкла, ступать в неизвестность без возможности возврата, –

она как-то испуганно смотрела вперёд, а во влаге глаз заблестели ещё тусклые, рассыпанные по тёплому и нежному закатному небу звёзды.

– А разве не может что-то меняться, оставляя неизменным нечто другое?

В мыслях о прозвучавших словах и каком-то лёгком, едва ощутимом осознании, девушка отпустила задумчивую улыбку, оборачиваясь на юношу.

– Я не уверен, но мне кажется, что самая большая неизвестность – это следующее мгновение, в которое мы ступаем, как ты сказала, без возможности возврата, – он мягко улыбнулся в ответ, едва наклоняясь к девушке, – и кто уж знает, что оно уготовило на кажущуюся нам известность, – юноша отвёл взгляд, мечтательно и задумчиво смотря на погружающееся в вечернюю прохладу небо. Оно уже оставляло разводы палитры закатных красок, которые словно долетали до пары вместе с прикосновениями согретого на небесах ветерка, разгуливающего где-то высоко, в персиковых и тёплых облаках, донося до людей отклики тех ароматов и воздушных, едва ощутимых прикосновений лета.

– Видимо, что-то должно оставаться неизменным в нас самих… – озадаченный, поддавшийся своим размышлениям и будто успокоенный ими же, он вновь обернулся к девушке, смотрящей куда-то в глубь уходящих ручейков улиц, вероятно, тоже думая о чём-то.

Они уже остановились всё на том же перекрёстке.

Только стоило Грэгарду произнести последнюю фразу, как над ними зажёгся едва зеленоватый фонарь, разгоняя сумрак погружающегося в ночную синь вечера. Вместе с ним зажглись и все остальные, окутывая тёплым желтоватым туманом сияющих огней ещё не стихший суетой город.

Оба рассмеялись, поднимая взгляды на фонарный столб. Под этим светом её лицо излучало сияние. Сияние открытой улыбки, которую он увидел, которой любовался впервые. Спадающие из-под косынки локоны переливались золотом, а светло-карие глаза, отражая мерцание огонька, сияли желтоватыми отблесками.

Невольно он подался ближе… Почувствовав его движение, девушка тотчас же сделала шаг назад, отпуская прежнюю улыбку и поднимая на Грэгарда немного округлившиеся в лёгком укоре и недоумении глаза.

Неслышно выдыхая, юноша опустил голову и отошёл на два широких шага, а затем открыто посмотрел ей в глаза, всё сияющие при свете фонаря. Уголок его губ дёрнулся в едва различимой улыбке.

– До завтра… – тихо отозвалась Таисия, развеяв лёгкий испуг во взгляде.

– До завтра, – почти шёпотом произнёс юноша, продолжая стоять здесь некоторое время, смотря куда-то вдаль улиц, за которыми уже давно скрылся знакомый силуэт.

Его взгляд выражал какую-то немую и счастливую грусть, порождающую сладкие мечтания, тишину, глубокую чувствами, предчувствиями, несказанными словами и нарочно безмолвными думами…

Снова фитилёк небольшой свечи тихим тёплым светом освещает комнату, отбрасывая от предметов длинные и тёмные тени, вовсе не казавшиеся зловещими при этом свете, а наоборот, тёплыми и убаюкивающими своей нежной и сладкой неизменностью, глубиной воспоминания чувств и эмоций, порой затрагивающих что-то казалось бы совсем не связанное с этой комнатой, глубиной вчерашних и завтрашних надежд…

Таисия подошла к окну. На миг задержавшись, она опустила взгляд, смотря куда-то сквозь пространство. И снова как по щелчку погасли все огни, ласковым пледом ещё мгновение назад окутывающие своим тёплым светом городок. Странно, но свет свечи, зажжённой в комнате девушки, почему-то был не таким, которым сияли уличные фонари, что даже выражалось не столько в природе огонька. Он был какой-то другой, будучи и частью всего этого света. Он был каким-то родным и был будто теплее, отгоняющим пасмурность мыслей и чувств,

даже хмурость непогоды… Он согревал душу, успокаивая её таким привычным трепыханием огонька под неощутимыми дуновениями сквозняков.

Несмотря на задумчивость, девушка стояла всё это время в напряжении. Опомнившись, она тяжело вздохнула, подаваясь к окну и смотря уже на пустующие улицы, освещаемые лишь холодным мерцанием звёзд.

Таисия чуть подалась вбок, уже было собираясь одёрнуть занавески и отойти от окна, как что-то остановило её… Что-то отразилось во взгляде чарующим сиянием одинокого огонька. Она прильнула ближе к окну, вглядываясь куда-то в сторону. От ледяного стекла повеяло прохладой.

Там, чуть правее напрямую открывающегося из её окна вида, горел фонарь, озаряя перекрёсток и ближайшие дома зеленоватым светом, хотя казалось, что его сияние рассеивается куда дальше, вместе с ночным небом и редкими огоньками окон освещая городок. Это он. Тот самый фонарь, который каждый вечер освещает их встречи, их расставания… Он сиял, как и поставленная ею свеча, не погасая во мраке ночного городка. Они не гасли, как другие огни. Они словно нашли друг друга этим светом.

Но почему девушка не замечала его раньше?

Таисия резко дёрнулась от неожиданного и обжигающего прикосновения холодного стекла, незаметно для себя подавшись к нему слишком близко.

Уже затушена свеча… Тихий прохладный свет играет с переливающимися, повисшими в воздухе пылинками, парящими в лёгком танце, звенящим сотнями отблесков невесомости.

Уставшая за день, девушка тем не менее никак не могла уснуть. Её сердце колотилось так, что она села на кровати, тяжело дыша. Казалось, что стало легче, хотя Таисия уже и не останавливала на этом внимания, обращённого вглубь мыслей о новом узоре, о новом способе ведения нитей. Почему-то теперь, на время заброшенные, они рвались с новой силой, будто все эти дни не прозябали в тени полок наспех выведенными зарисовками, а только усиленней оформлялись и укреплялись, давая ход новым идеям, построенным на уже имеющихся знаниях, без которых едва ли вообще смог бы раскинуться этот необъятный горизонт задумок.

Девушка поспешно встала и, достав из стола листок, села на кровать у окна, распахнув шторы.

На помятый клочок бумаги лёг яркий луч, словно нарочно заглядывающей светом в окно луны.

Всё это было так непривычно и странно для девушки, но сейчас её куда больше занимали совсем другие мысли.

За окном тихо шелестели кроны деревьев, как бы изнутри освещаемые желтовато-зелёным светом фонаря. Прохладный ветерок, доносящий в раскрытое оконце дуновения летней ночи, раскачивал их свисающие ветви. Где-то пели полночные птицы. Стоило только прислушаться, как могло показаться, что весь город тоже не спит этой ночью, живя чуть скомканным и обволакивающим, томным шумом, гулом летней ночи.

В приоткрытые окошки лишь едва ощутимыми дуновениями небольшого сквозняка, разыгравшегося под самой крышей цеха, задувает прохладный ветерок. Лёгкой тёплой свежестью раннего летнего утра спускается и ниже, растворяясь в духоте работающих машин, частых дыханий… Растворяясь меж слаженно работающих механизмов, меж людей, незаметно принося с собой частичку уже нагревшегося от тех же дыханий, от ласковых лучиков солнца, свежего воздуха, частичку ни с чем не сравнимых, порой описываемых при помощи чувств и воспоминаний каждого, становясь от этого своим и личным и в то же время одинаковым для всех. Частичку лета…

Вновь в незримом танце парят пылинки, обнаруживая себя взору лишь под сиянием луча света, вновь исчезая, отлетев чуть в сторону от него. Кажется, что лишь по ночам они оседают на машины, а по утру взмывают под самую крышу, подавшись жарким дуновениям работаю-

щих механизмов, кружа, пока помещение снова не окутает сладким дурманом лилового вечера, погружаясь в нагретую за день дрёму, обдуваемую прохладой наступающей ночи.

– Что ты делаешь? – больше негодуя, чем изумляясь, не громко, но от того более выразительно и эмоционально произнесла подошедшая ближе молодая женщина.

Только недавно начался обеденный перерыв. Бросив свои места и наспех заглушив моторы станков, все шумным потоком устремились в столовую.

Таисия, решив сегодня пропустить обед, достала листочек с изображёнными схемами, над которыми работала ночью. На них и устремила ошарашенный от неожиданности и удивления взгляд втянувшая голову в плечи женщина. Она была чуть выше среднего роста с накрученными крупными волнами русыми волосами, собранными в низкий и короткий хвост, скорее похожий на пучок, и объёмно уложенными у лица.

Девушка начала немного не связно, но увлечённо и как-то боязливо-стыдливо объяснять, но собеседница продолжала изумляться увиденному, не внимая тихой речи, то и дело тонувшей под накатывающими волнами шума уходящей толпы.

– Ну ты даёшь, – вымолвила женщина, невольно перебивая Таисию, когда та, задумавшись над формулировкой, как, впрочем, и над смыслом последующей ещё не сказанной фразы, сделала длинную паузу. – А зачем? – всё недоумевая и поражаясь столь неожиданной странности, столь не просто необычным и удивительным, а скорее из ряда вон выходящим.

Однако в её тоне не было оценки действий девушки. Во взгляде, переведённом на последнюю, читалось лишь искреннее удивление. Теперь она как-то по-новому смотрела на девушку, более открыто своими эмоциями, своими чувствами и мыслями, своим словно появившимся отношением, которое пока, думалось, не было ни плохим, ни хорошим. Оно просто было и было ярким, не таким, как прежде, а личным и глубоким. Таким, которое чаще бывает к знакомым в некоторой степени нам людям… К людям, ставшим различимыми нами.

Таисия и сама не знала, что ответить на прозвучавший вопрос. Она задумчиво и немного понуро опустила голову, но в этом движении не было обречённости и пустоты. Напротив, чувствовалась сила, стремление найти ответ, разобраться в себе, не сдаваться и обличить смыслы в слова, в цели…

Отвлёкшись от мыслей, разбуженная наступившей паузой, девушка подняла взгляд на молодую женщину, которая всё это время не сводила с неё глаз, но теперь как-то сконфуженно, немного поспешно и неловко отводила их, встретившись с пронзительным своей глубиной и осмысленностью взглядом девушки, которая робко и испуганно смотрела на неё, видимо, подумав, что собеседница ожидает ответа.

Однако последняя вскоре скрылась в толпе спешащих на обед коллег. Вслед за ней ушла и другая девушка, всё это время стоявшая вполоборота к ним. Она делала вид, что не слышит их разговор, но периодически косилась на Таисию, словно её колкий и озлобленный появившимися на лице морщинками взгляд был магнитом прикован к зарисовкам девушки, к ней самой. Теперь, уходя, она остановилась и, повернув голову, вновь бросила на листок, а затем и на самого его автора более чем пристальный, какой-то уничижительный, полный презрения и одновременно скрытой зависти взгляд. Уходя, она ещё раз обернулась на Таисию, когда кто-то нечаянно… задел её, почти застывшую на месте.

Опустив глаза, Таисия вздрогнула. По её телу пробежала волна мурашек, ей непроизвольно захотелось стряхнуть с себя этот взгляд. Девушка поёжилась. Потребовалось ещё немало времени, чтобы прийти в себя и продолжить работу.

– Всё хорошо? – взволнованно смотря на девушку, чуть наклонившись, спросил Грэгард.

Таисию до сих пор преследовала тень того взгляда, заставляя содрогаться всё тело. Девушка остановилась, резко выдыхая. Вновь по телу мурашками пробежала волна.

– Н-нет… Всё в порядке, – будто замешкавшись на первом звуке, сконфуженно произнесла девушка.

После, пытаясь улыбнуться, она подняла взгляд на юношу. Его глаза были наполнены тревогой и одновременно нежностью, которая смешалась во взгляде с едва уловимой улыбкой, казалось извечной мягкой, делающей этот взгляд таким глубоким. Этот взгляд проходил через весь стан молодого человека непоколебимым стержнем, сильным мудростью этой улыбки, будто со стороны смотрящей на всё происходящее вокруг. Созидательным этой мудростью и, наконец, своей индивидуальностью. Обращённый на девушку взгляд, будучи не вовлечённым в происходящее вокруг, становился лишённым этой казавшейся отвлечённости, отстранённости, по крайней мере по отношению к ней, а где-то в глубине он постепенно наполнялся теплотой, неиссякаемой и вечной.

Смотря в глаза юноши, Таисия, чуть успокоившись, незаметно для себя глубоко выдохнула, отпуская тот колкий взгляд, который больше не мог коснуться её даже в мыслях, находя путь к её сердцу через воспоминания. Ведь теперь его хранил этот нежный и мягкий, какой-то спокойный и сильный мыслями, чувствами взгляд, как бы предполагающий едва уловимую улыбку, которая словно слилась с ним в единое целое его глубины.

Девушка отвела глаза. Сердце снова учащённо забилось, внимая предостерегающим, тревожным мыслям.

– А представляешь, если бы вмиг перестали работать все двигатели? – переводя тему и ненадолго взгляд, с каким-то мальчишечьим энтузиазмом и задором, с неким азартом произнёс юноша, начав движение.

Отпуская мрачные мысли, Таисия приостановилась в удивлении, невольно перенимая улыбку и бодрость Грэгарда, который вновь посмотрел на девушку, убедившись, что новая тема вызвала у неё интерес или, по крайней мере, отвлекла. После чего он как-то более спокойно и раскованно придался рассуждениям.

– Только представь, что бы стали делать все мы? – вопрошал он уже не столько ради продолжения начатой темы, сколько для размышления, вовлёкшись в неё.

Девушка в задумчивости покачала головой. Прохладное дыхание ласкового ветерка принесло вечерние ароматы расцветающего лета. Прикрыв глаза, Таисия вдохнула неповторимое сочетание симфонии запахов, которую, казалось, создавали ароматы некогда лазурного, а теперь предстающего в полупрозрачном золоте заката неба. Запахи наливающихся соком трав, земли, моря, шумящего где-то вдалеке так, что сюда ветер не доносил этих звуков. Но оно шумело. Шумело, будто призывая на борт одного из прекраснейших судов. Казалось, что именно этот нежный свет почти ушедшего солнца пахнет так, что расцвеченное в эти цвета небо излучает именно такие ароматы, именно этот час, этот миг, который повторится соцветием таких же запахов, слитых в единый аромат, быть может, и завтра, а может, и через год в это же самое время, а возможно, и пронесётся через многие годы, пребывая здесь однажды с лёгким ветерком, порадовав кого-то, замедлившего ход.

Таисия на мгновение остановила взгляд на пушистых кустиках салатовой травы у дороги и на стоящих неподалёку домах, чуть разглядывая их, настолько привычно влившихся в пейзаж, что стали невидимыми в нём, как и всё вокруг, такое незнакомое и удивительное при более внимательном рассмотрении.

А ведь и правда, что будут делать люди, пусть на мгновения лишившись изобретений человечества?

– Ведь мы даже не знаем, как устроены эти двигатели… Мы, пользуясь ими, не сможем их воссоздать, – в продолжение мыслей девушки размышлял Грэгард.

Таисия глубоко вздохнула. Сейчас эти мысли были для девушки более чем угнетающими, от них на душе становилось только тяжелее. Но тем не менее она незаметно улыбнулась схожести их дум, а юноша, почувствовав тяжёлый вздох девушки, смолк, давая прохладе ветра свежим дыханием сладости ароматов вечера ворваться в лёгкую духоту немного спутанных раздумий.

Они уже подошли к перекрёстку, у которого неизменно светил одинокий в более позднее время, когда в городе гаснет свет, фонарь, горящий сейчас при ясном свете вечера.

– Надеюсь, ты не решишь проверять это? – переводя тему, а точнее возвращаясь к ней и сводя к шутке, улыбнулась Таисия, с нежным укором поднимая взгляд на юношу.

Тот улыбнулся в ответ, хмыкнув и поднеся тыльную сторону руки к губам.

– Ладно… – тихо и томно произнесла Таисия, не принимая действия юноши за какой-либо ответ, да и не имея целью получить его на прозвучавший, скорее риторический, вопрос. – До завтра, Гр… – она резко прервалась, в лёгкой спешке, суете сконфуженности и даже какого-то испуга округлив глаза, отпустила улыбку и перевела взгляд на молодого человека. – Грэдд… Грэг… – она озадачено прищурила глаза, уже открыто улыбаясь своей неловкости. – Грэм… – осторожно произнесла девушка, виновато и одновременно игриво смотря на юношу, который, казалось, сейчас был просто счастлив.

Оба рассмеялись.

Вновь подул заметно похолодевший ветерок, паря уже сменившимися ароматами более позднего, стемневшего, лилово-синего звёздного вечера.

Грэгард застыл с лёгкой, нежной и тёплой улыбкой, как-то почти неразличимо горьковато сияющей во взгляде, остановившемся на лице девушки, на её улыбке, на её глазах.

– Грэдди… – отмечая сказанное каплей лёгкой, какой-то шутливой и совсем безобидной иронии, мягко улыбаясь, произнесла девушка.

Не отпуская уже едва заметную, ставшую более серьёзной улыбку, Таисия на миг подняла взгляд на юношу, вскоре удаляясь.

Кажется, он хотел её окликнуть, но позже, постояв ещё немного, смотря девушке вслед, как-то затейливо улыбнулся, поднимая взор на сияющий необычным зеленоватым светом фонарь, едва заметно подмигивая ему.

Вскоре юноша неспеша скрылся за поворотами окутанных сладким сумраком летнего вечера, ещё озаряемых тёплым светом фонарей улиц, продуваемых какими-то непривычными, будто уже предрассветными ветрами.

Снова погасли фонари. Немного понаблюдав за тем одним, словно бы не подвластным невидимому мановению чьей-то руки, сиявшим сквозь зеленоватое стекло огонька, девушка, по обыкновению, прикрыла шторы.

Тяжело вздохнув, она присела на пустующую кровать у окна. Сидеть здесь было так непривычно, хотя почти всю прошлую ночь девушка провела на этом месте, составляя наброски, чертежи, схемы… Таисия достала свёрнутый и уже ставший мягким и каким-то рыхлым от многочисленных помятостей листок. Невольно вспомнился тот колкий взгляд, но теперь от него отделяло что-то тёплое и успокаивающее своим наличием, своей какой-то мягкой прочностью, непоколебимостью. Мысли девушки переметнулись на Грэгарда. Она снова тяжело вздохнула, откладывая листок, а точнее аккуратно положив его на стол, уже отходя от которого замедлила ход, вскоре обернувшись и переложив его на полку, но так, чтобы его было удобно доставать в любое время.

Таисия уже давно потушила свечу, кажется, незаметно для самой себя, погружённой в мысли. Лёжа в кровати, она снова думала о юноше. Тревожные мысли заставляли сердце биться чаще, но не только они, а ещё что-то… Какое-то трудно поддающееся объяснению, возможно, и не всегда нуждающееся в нём предчувствие.

Он как-то слишком быстро появился в её судьбе, словно ворвался в неё с тем утренним порывом ветра. Но действительно ли он такой, каким кажется девушке, каким она его хочет и боится видеть?..

Сегодня Грэгард, как, впрочем, частенько любил это делать, после их прощания решил ещё немного прогуляться по почти стемневшим улицам, отдающим теплом прошедшего дня камнем, теплом позднего летнего вечера.

На душе было странно радостно, если не сказать весело, но это веселье было сродни лёгкому недоумению, какой-то невнятной тревоге, становящейся от этого ещё более сильной и волнительной. Из головы никак не выходил её взгляд, её глаза. Юноше почему-то стало приятно, когда она назвала его так… Сердце кольнуло, приятно защемило, откликаясь на её голос, на это имя.

Вот уже новое утро раскрашивает небосвод в тёплые и ласковые полупрозрачные тона, будто акварелью растекаясь по нежно-голубому, ясному, словно росой сияющему чистотой рассвета холсту. Где-то вдали кричат чайки, купаясь в солнечных лучах, а за окном маленькие пташки вместе со всей Природой радуются уже взошедшему солнцу, утру.

Всю ночь что-то заставляло сердце девушки учащённо биться, будя её бессонной тревогой. Казалось, сейчас, резко и долгожданно пробудившись и сев на кровать, Таисии было бы легче и вовсе не смыкать этой ночью глаз, выжидая напряжённые минуты, размытые пеленой мыслей и догадок, желающих поддаться соблазну дрёмы, чем, окунувшись в неё, растянуть их невыносимо тревожные мгновения, пребывая где-то на грани грёз и реальности, прочувствовав каждую обречённую на мающееся предчувствие секунду, более явственно представшую в пелене этого состояния.

Быстро собравшись, временами переходя на полубег, она поспешила в цех. То же неведомое предчувствие, необъяснимая тревога подгоняли её, быстрей-быстрей… Таисия была готова сорваться с места и изо всех сил помчаться вперёд, чтобы хоть на мгновение унять эти разрывающие грудь чувства сбивчивым дыханием, колотившимися у горла ударами сердца, свистящим ветром, быстрыми… насколько возможно быстрыми движениями, точно высвободившими бы всё, что томилось у сердца, сдавливало грудь. Чувства, которые она не могла унять иначе, ведь они, словно вестники грядущего, предупреждали о чём-то.

С трудом сдерживая натиск чего-то необъяснимого, Таисия сбавила шаг и, как ей показалось, чуть медленнее обычного прошла оставшуюся дорогу, ведущую напрямую ко входу в производственное помещение, тем самым поджидая основной поток рабочих и смирившись с тем, чего она была не в силах изменить, а могла лишь с философской благодарностью принять как должное.

Почти подойдя к только недавно отворённой двери, из которой веяло приятной, успокаивающей свежей сыростью ночной прохлады, лишённой запахов машин, металла, наполненной травянистыми нотками и пресной влагой раннего утра, Таисия остановилась, словно не решаясь сделать следующий шаг в привычное, но сейчас казавшееся каким-то другим помещение. Точно выжидая паузу сомнений, прежде чем преступить эту мнимую границу… границу внутри себя. Словно чувствуя что-то, что пока сама не до конца могла понять.

Зал цеха уже налился тёплым светом наступающего дня. Пройдя чуть глубже, Таисия слегка прикрыла глаза, вдыхая нагревшийся воздух, наполненный пылинками, задуваемыми ветерком из раскрытых дверей.

Ставший привычным и каким-то родным за многие годы, приглушённый аромат помещения согрел и успокоил сердце. Девушка едва заметно улыбнулась, проходя к своему станку. Всё как всегда… Она провела рукой по холодной, откликнувшейся отблеском солнечного лучика, металлической поверхности машины. Что-то больно кольнуло, горечью отдаваясь во взгляде девушки.

Помещение стало наполняться привычным шумом такой же знакомой и, если не сказать, в своём роде родной толпы… Но нет. Для неё это была не совсем толпа. Это были знакомые лица так или иначе знакомых, привычных хотя бы взору, а впрочем, и сердцу людей.

Предчувствие не ушло, не испарилось, не улетучилось в проблесках этих знакомых лиц, то освещаемых рассеивающимися лучами света, то ненадолго уходящих в тень. Но на душе почему-то стало спокойнее, светлее и яснее… Будто что-то уже произошло, изменилось, но она осталась прежней или в большей степени, чем обычно, почувствовала себя, прислушавшись.

Её чувства, мысли, оттенки и тона восприятия всего происходящего вокруг, казалось, стали ярче и сильнее, находя опору в ней же…

Вскоре подошли и напарницы по станку. Молодая женщина акцентированно поприветствовала Таисию со всей статью и тихим благородством, присущим ей. Вскоре девушка обернулась, вновь почувствовав на себе тот скользящий взгляд уже другой работницы по станку. Теперь он не казался таким едким, прожигающим до самой глубины души. Теперь он казался каким-то пустым и тщедушным своими трудно скрываемыми презрением, тенью озлобленности и завистью. Мысли и чувства самой Таисии немой жалостью отразились в её взгляде, направленном на «собеседницу», но смотрящем куда-то глубже обид и презрений, словно проходя сквозь них – хлипких и прозрачных. Опуская взор, Таисия обнаружила, что уже смотрела куда-то в неопределённую точку пространства.

Все заняли свои рабочие места, а лёгкий шумок постепенно стих, словно пеной отходящей волны, теперь тишиной выжидая немногочисленные по своему количеству, но такие явственно осознаваемые секунды, растянутые чувствованием, проживанием каждой своей мили, наполняющей в такие моменты всё пространство, весь мир, становящийся каким-то близким, сопричастным и своим…

Начался беззвучный отсчёт: «Раз… два…», после которого помещение снова накроет волной шума и треска заведённых машин.

«Три…». И сердце пропустило удар, предвкушая ожидание такого привычного, но каждый раз пугающего своей оглушительностью звука работающих моторов и чего-то непостижимо неизменного, чего-то, что должно произойти.

Выждав ещё чуть-чуть недоумевающей тишины, люди стали осторожно оборачиваться друг на друга в поисках ответа, в стремлении удостовериться, что не одни лишь они удивлены произошедшем, не с одними лишь ними всё это происходит.

В ушах отголосками прошлого раздался шум работающих машин. Даже стены, как и прежде, завибрировали, отбрасывая те звуки. Казалось, что вот-вот, в следующую же секунду, сейчас… должны загудеть моторы, проносясь звучным, громогласным эхо под самую крышу цеха, заполняя собой весь зал, давая всем присутствующим выдохнуть и с непривычной для начала рабочего дня улыбкой погрузиться в привычные дела, как-то иначе воспринимаемые теперь.

Сердце девушки бешено заколотилось, возмещая своими ударами весь тот непрозвучавший гул.

– Что с тобой?

Перед Таисией стояла её напарница по станку, взволнованно наклонившись. Помещение уже окутала пелена неразборчивых выкриков и возни, начиналась паника и давка.

Таисия вновь перевела взгляд на женщину, лишь кивая в ответ. Всё ещё погружённая в мысли и догадки, девушка направилась к выходу, протискиваясь, пролезая меж движущихся без всякого порядка людей.

Когда девушка вышла на улицу, её обдало жаром и духотой разгорающегося дня, лишь едва приглушёнными лёгкими дуновениями ветерка, ещё сохраняющего нежную прохладу ночи, прошедшей весны, но руки Таисии дрожали от холода. За ударами сердца, горечью отдающимися в горле, не было слышно порывов ветра, какого-то сонного гула городка, далёких перекатов волн и пения птиц.

Ускорив шаг, то и дело оборачиваясь по сторонам в поисках чего-то, она всё же решительно направлялась вперёд. Дорога сменялась то кружевной, полупрозрачной, но приносящей нежную прохладу и свежесть сенью раскидистых деревьев, то открытыми участками полупесчаной, вытоптанной почвы, нагретой под палящими полуденными лучами.

– Зачем ты это сделал?! – Таисия влетела в прохладу помещения деревообрабатывающего цеха, в размеренное сплетение звуков работающих машин.

Помещение мало отличалось от их цеха, но здесь всё было по-другому… Как будто другой свет того же солнца, другие запахи, другая атмосфера, погрузившись в которую девушка и сама немного опешила.

Отовсюду летели стружки, отблесками сияя в утреннем свете. Пахло деревом, чем-то смолянистым, насыщенным, нежным и глубоким ароматами, пронзающими сердце своей природной первозданностью, чем-то забытым в умах, но сохранившимся в сердце…

Все обернулись на незнакомку – то не отрываясь от дела, то притормаживая, а то и вовсе распрямляясь и недоумевающе смотря на неё.

– Что… – пойманный врасплох и даже напуганный как её появлением, так и вопросом, спросил Грэгард, ещё продолжая по инерции отшлифовывать древесину.

Взгляды молниеносно переметнулись на юношу, а вскоре вновь вопрошающе вернулись в сторону незнакомки.

– Только не надо придуриваться! Ты прекрасно знаешь, о чём я говорю, – всерьёз возмущённая, как ей казалось, фальшивым недоумением юноши, отрезала Таисия.

– Так… – буркнув себе под нос, Грэгард снял перчатки, аккуратно кидая их на светлую поверхность дерева со многим прожилками, замысловатыми окружностями от сучков и их сплетений, которые, кажется, невозможно создать руками человека. Они – узоры на срезах стволов – как неповторимые отпечатки пальцев людей… Нигде больше не найти такого же удивительного в своём роде рисунка, как не разглядеть и в этом другого, схожего лишь своей неповторимостью.

– Объясни, пожалуйста, чуть подробнее, что я натворил? – ласково и умильно улыбаясь, с едва заметной ухмылкой произнёс он, подходя ближе.

– Вывел из строя двигатель, – твёрдо отрезала девушка, с вызовом и решительностью смотря ему в глаза, – обеспечивающий несколько цехов, – уже с лёгкой паникой и дрожью в голосе добавила Таисия.

Юноша заулыбался ещё больше. И эта улыбка уже всецело была лишена даже намёков на язвительность и ухмылку. Она была нежна и глубока чувствами, открыта и задумчива, полна некой грусти по будущему, по её прежней улыбке.

Казалось, редкие из напарников Грэгарда не были во внимании, наблюдая за разворачивающимся диалогом.

– И ты, конечно, думаешь, что это сделал я, – горько хмыкнув и почти не рассмеявшись, вспоминая их вчерашний разговор, произнёс Грэгард, словно озвучивая мысли девушки.

Поймав взгляд Таисии, он тут же осёкся, вновь переводя взор, выдыхая.

– Хм… Я не знаю, как сказать тебе… – потерев шею, юноша вновь смотрел ей в глаза, со всей серьёзностью и ответственностью, со всей немой болью нераскрытой надежды, что девушка поверит его словам, – но я этого не делал, – оборвав её на мгновения обнадёженный взгляд, мягко, но без каких-либо иных и прочих слов, лаконично и нарочно замедленно произнёс Грэгард.

Словно специально, но естественно громко выдохнув, Таисия отвела взгляд, отвернулась, а затем, повернувшись к юноше спиной, поспешила к выходу.

Проводив её грустным взглядом, в котором читалась едва различимая улыбка, Грэгард побрёл обратно.

Хотя свежий ветерок и обдувал распаренные лица, на улице всё равно было жарко и влажно, от чего воздух становился каким-то тяжёлым и вязким и его было трудно вдыхать. Он был словно не ощутим при вдохе, будто и не проникал в грудь. Таисия вдыхала резче, сильнее и глубже, чтобы искусственно создаваемой прохладой вдоха почувствовать растворяющийся в горле, нагревающийся и вновь становящийся неощутимым воздух.

Тени становились всё короче и прозрачнее, а рассеянные лучи солнца с почти безоблачного небосвода освещали наступающие полуденные часы.

Уже собралась приличная недоумевающая толпа, подвластная панике и бездельной суете. Люди были ошарашены произошедшим, будучи настолько непривыкшими брать ответственность в первую очередь за себя, за свои поступки, обращаться к себе. Вспоминать себя, притаившегося за скорлупой, созданной нами же…

Если бы кто-то сказал им, как быть и что делать, все, кажется, тотчас же безоговорочно приняли бы это, с радостью и облегчением пойдя за этим кем-то, делая всё, что некто говорит, пусть даже они не знали бы его, пусть даже не ведали бы зачем… Ведь это куда легче, но только не для «забытых» нас, не для забытой души.

Снова тёплый поздний вечер раскрашивает ещё светлое небо звёздной синевой. В городке, по обыкновению, тихо. Но если прислушаться, приглядеться, он тоже живёт и дышит летней свежестью, он шумит и гудит тысячами судеб, своей судьбой… Но что-то тревожит сердце. И не только тем волнующим трепетом. Трепетом тихого, рвущегося из груди и наполняющего всё вокруг счастья, трепетом ожидания, трепетом города, мира, трепетом всеобъемлющей любви. Но и кожей ощутимым напряжением, которое сейчас окутывало весь городок стеклянной тишиной улиц, сквозь которую едва ли пробивается свет одинокого зеленоватого фонаря.

Сегодня они расстались безмолвно. Тогда… ещё днём.

Грэгард тихо вздохнул, отвлёкшись от мыслей, ловя тонкие и такие лёгкие запахи вечера, лета. Он хотел окликнуть её, сказать ещё хоть что-нибудь, чтобы просто посмотреть ей в глаза… Но ему нечего было добавить, а без этого она вряд ли бы задержала на нём взгляд, вряд ли бы тогда, подхваченная лёгкой паникой, остановилась бы… прочла его.

Опустив голову, юноша побрёл куда-то дальше, почему-то не поднимая взгляд на темнеющее небо, манящее и затягивающее взор, проясняя мысли и чувства.

Завтра должно отплыть судно, наметив курс к мастеру, который сможет починить двигатель и возобновить работу в городке. Грэгард тяжело вздохнул…

«А ведь Тая права!..» – промчалось в голове. Вскоре все наверняка начнут искать виновного в произошедшем. И он как нельзя лучше обычного случая подходит на эту роль…

В задумчивости он поднёс руку к губам. Но кто поплывёт за мастером?

«Дженк!» – глаза юноши заблестели новым планом.

Этой ночью шёл довольно сильный дождь, спадая на город крупными золотистыми каплями в свете одинокого фонаря с холодными серебристыми отблесками узенького ободка растущей луны и звёзд, проглядывающих из-за полупрозрачного и какого-то воздушного, рыхлого пепельного облака. Капли отбивали ритм, превращающийся в гармоничный и убаюкивающий шум. Но как бы дождь ни убаюкивал напряжённые мысли, всё вокруг, весь город словно бы дребезжал тишиной сотни таких дум. И ту тишину не мог заглушить даже сладкий томный шум летнего ночного дождя.

Но теперь по светло-лазурному небосводу снова плывут объёмные кучевые облака, создавая вдохновляющие любого художника картины, словно нарисованные маслом на необъятном просторе небесного холста, великолепие которого трудно вообразить, воспринять всецело, невозможно одним лишь взором оглядеть его весь, как нелегко и ощутить, понять всю ту глубину, объём и объёмность этих пространств. Приоткрывая эти ощущения и чувства, кажется, что приоткрываешь и что-то такое же необъятное, всеобъемлющее и светлое внутри… Что-то твоё, ты… Что-то чистое и готовое к свершениям.

В приоткрытое оконце задувает свежий ветерок, принося с собой сладковатую влагу летнего утра после, казалось, совсем недавно прошедшего дождя.

Ещё не открыв глаза, девушка полной грудью вдохнула ту палитру невесомых, ещё каких-то чистых ароматов, долетевших до неё лёгкой прохладой нового дуновения. Сделав краткий, осторожный и поверхностный выдох, она вдохнула вновь, но то ли сменился ветер, то ли от неполного выдоха было трудно испить до дна эти свежесть и аромат. Нарочно долго и напря-

жённо выдыхая, пытаясь расслабить грудь и в то же время боясь упустить мгновения нового дуновения, Таисия, почувствовав лёгкий ветерок, вновь сделала вдох, на этот раз ощутив его, время, мир, себя. Но всё же он не был так глубок и лёгок, так полон, как тот первый – спонтанный и неожиданный, но в то же время долгожданный тихим предчувствием, лишённый напряжения и страха.

Девушка раскрыла глаза, любуясь и в своём роде изучая комнату в этот час, когда только набирающий силу ласковый свет рассеивается по всему помещению, лишь начиная отбрасывать от предметов длинные, ещё светлые и какие-то расплывчатые, туманные тени. На часах было ранее утро. Такое, с которого лишь недавно начал свой отсчёт световой день, такое, с которого только-только можно считать это время суток утром.

Вскоре свет, будто оформившись в лучи, стал падать на кровать, повторяя контуры окна. Он отражался от соседнего дома, словно возвещая девушке о начале дня.

Таисия смотрела на плавные движения занавесок, раздуваемых лёгкими дуновениями ветерка. Сердце, подхваченное неуловимой тревогой, отбивало учащённый ритм. Девушке больше никак не удавалось уснуть. Она отвела взгляд от окна. Сегодня никуда не надо было идти, и это едва уловимое осознание лишь настораживало и пугало своей неизвестностью, ведь каждый ныне прошедший день был, насколько это представлялось возможным, известен своим распорядком: как утро сменяет вечер, так и девушка шла в цех и обратно. И в этом порядке не было ни одного иного, «неизвестного» дня. Что ей делать сейчас?..

Вскоре девушка встала, решив хоть как-нибудь унять необъяснимое (хотя, если бы оно и не было таковым, то всё равно никуда не делось бы, тем и ценнее) предчувствие, уже не такое сильное и пугающее нагнетающей тревогой и суетными, сбившимися с толку мыслями, как вчера, но всё же… Всё же некоторые думы, резко проясняющиеся в сознании девушки, заставляли подхваченное тревогой сердце биться чаще. Но где-то внутри, там, где на второй план отходят сиюминутные волнения, тем не менее было тепло и спокойно… Видимо, сейчас девушку пугало, настораживало и это чувство, отчего она была готова делать что угодно, лишь бы не оставаться лежать в скованной тревогой тишине. Порой мы часто пытаемся себя чем-либо занять, будто боимся остаться наедине с собой.

Таисия по обыкновению надела приготовленное с вечера платье, завязала косынку.

Всё это она так же, как и вчера, как и прежде, делала непроизвольно, но теперь все эти движения воспринимались по-иному. На лице застыла лёгкая и едва заметная мечтательная, немного тоскливая улыбка. Лёгкая грусть скорее была грустью по былому, по тому, что, в частности, было ещё вчера, когда этим, точнее уже тем моментам не предавалось особого смысла, чувств, ценности. Хотя что есть ценность для минут? Кажется, что сама по себе она пуста и приобретает значение, лишь наполняясь чувствами и мыслями, быть может, и не всегда направленными на них – на минуты – ведь находиться в постоянном «обращении» к каждой новой секунде, в постоянной попытке ощутить её и её ценность представляется не самым уж воодушевляющим и радостным занятием, скорее отчасти лишающим, не имеющим ничего общего, возможно, и вовсе препятствующим своей задуманной сути, цели. Ведь сладкую грусть воспоминаний можно оставить ностальгии, имеющей свои минуты, часы… Ведь ценность настоящего, кажется, можно выразить не считая каждую секунду, пытаясь раствориться в ней, а только любовью к нему.

В доме было как-то пусто и непривычно тихо. Однако девушке показалось, что мама уже давно не спит, хотя и дверь в её комнату была прикрыта.

Почти на цыпочках подойдя ко входной двери, Таисия остановилась. Сердце кольнуло странным предчувствием. Она обернулась. Из щели неплотно закрытой двери на половицы падал яркий, по сравнению с туманными рассветными сумерками коридора, луч. Девушке захотелось войти в покои, озарённые ласковым утренним, таким чистым и каким-то сияющим светом, крепко обнять такого родного, но так странно ставшего далёким человека… Будто

расстояние в пару шагов было почти непреодолимо, в отличие от измерений сердца, в котором их почти ничего не отделяло, которое больно щемило в груди.

Девушка потупила взгляд, сглатывая горький комок уже давно застывших слёз. Она опустила голову, переводя вполне осмысленный взгляд куда-то на щели в половицах, которые обычно оставались незамеченными ею, будучи такими привычными и родными. Уголки её губ едва дёрнулись в горькой улыбке, обращённой к этим доскам, к дому, и, вздохнув, девушка отворила дверь.

Только Таисия вышла на улицу, как её сразу обдуло весьма прохладным ветром, словно смывая, стирая, прогоняя немую печаль, повисшую над ней туманной дымкой помещения. В безветрие было довольно тепло, но стоило только пронестись новому порыву, как по телу пробегали мурашки, леденя словно весенним утром.

По обыкновению, она направилась по дороге в цех, однако с какой целью – пока и сама не ведала. Подумав об этом, девушка резко приостановилась, обречённо выдыхая. Она вспомнила, что забыла взять с собой листок со схемами, набросками, хотя зачем он ей? Таисия не знала, но просто чувствовала, что он ей может понадобиться. Без него она чувствовала себя более уязвимой, более потерянной, точно забыла часть себя.

Солнце восходило всё выше, всё больше и ярче озаряя давно пробудившийся, а возможно, и вовсе не засыпавший городок, тихо гудя десятками судеб. Скользя по треугольным крышам, ещё румяные лучи отбрасывали с домов длинные тени, рассеивали холодную синеву сизого тумана задержавшейся в отдалённых уголках ночи.

Вспоминая схемы, изображённые на забытом листке, обобщая, проясняя основные принципы и идеи их построения, девушка незаметно для себя ускорила шаг. Найдя, что помнит всё из тех зарисовок, и даже больше того, обозначив сейчас для себя ключевые моменты, представляет их более целостно, девушка незаметно для себя выдохнула, дыша теперь более свободно, расслабив плечи. Ей будто стало гораздо легче, будто она вновь приобрела что-то даже большее, чем было до этого внутри, что-то обозначавшее её, что-то, что теперь уже непоколебимо внутри неё. И это значительнее, чем планы зарисовок, которые, возможно, ещё будут изменяться, дополняться.

Одна из дорог развилки сворачивает в порт. Вдалеке слышатся крики чаек и тихие, шепчущие перекаты волн, сливающиеся воедино с шумом городка, становясь едва уловимыми в отдалённых от берега улочках, незримым духом, пропитывая влажный утренний воздух уже принюхавшейся для многих горожан солоноватой сладостью моря.

Таисия сбавила шаг, вдыхая лёгкий бриз, доносящийся сюда с моря. Он промчался по кронам деревьев к необъятным просторам водной дали, лишь немного задев своим тёплым и мягким прикосновением, казалось, паря выше, чем привычный ветер. Повсюду пели незаметные в салатовом кружеве листвы птицы, а где-то неподалёку стрекотали сверчки, напоминая этими забытыми с зимы, но до боли знакомыми трелями о начале лета, точно воспевая его, разлетаясь, разливаясь по всей округе тихим звоном, подхваченные прохладой ветерка и ароматами трав, ясного голубого неба.

Хотя девушка шла по тому же пути, что и обычно, но то ли из-за того, что всю дорогу размышляла над возможными способами укладки нитей, то ли из-за того, что сейчас стоял уже более поздний час, по сравнению с тем, когда она обычно направлялась в цех, эта дорога ей показалось какой-то иной.

Таисия сбавила шаг, оборачиваясь в сторону причала, скрывающегося за домами и перекрёстками улиц, дорог… Ей показалось, что сейчас там непривычно шумно и многолюдно, в отличие от почти пустующих улиц, по которым она держала путь. Подумав, что, возможно, раньше не обращала внимания на оживлённость причальной зоны, Таисия неохотно продолжила идти вперёд, но вскоре всё же вернулась обратно, свернув по дороге к причалу.

Здесь действительно было на удивление много людей. Все были чем-то взволнованы. Многие громко переговаривались меж собой, а на лицах читались суетность, лёгкая паника и даже страх. За образовавшейся толпой с трудом можно было разглядеть море, а за повисшим над причалом шумом с трудом можно было его расслышать.

– Почему корабль не отправляется?!

– Нет этого молодого человека… как его…

– Я слышал, что его зовут Дженк.

– Но почему не отходит судно? – слышались наперебой тревожные и суетные голоса.

Девушка осторожно проталкивалась сквозь гурьбу, поддавшись панике, словно спешила куда-то. Её окутали необъяснимое чувство и какой-то ужас, сродни тому неумолимому, который может возникнуть в замкнутом и крохотном пространстве, только стенами для неё сейчас оказались люди, сквозь которых она, уже будто не чувствуя прикосновений, пробивалась куда-то вперёд. Кто-то подталкивал её, нагоняя, кого-то, наоборот, приходилось либо обходить, либо просить чуть отойти, либо и вовсе протискиваться меж плотно стоящих друг к другу людей.

Вырвавшись, она остановилась как вкопанная, резко вдыхая, будто вынырнула из-под толщи воды, насколько это было возможным, сильно наполняя свежим морским воздухом грудь. Таисия зажмурилась от неожиданно яркого света. И хотя небо словно утренним туманом, поднявшимся ввысь, было заволочено полупрозрачными светло-пепельными тучами, оно казалось почти белым, от чего не манило теперь своей глубиной, а будто стало ниже, едва не ложась прохладным облаком влаги на водную гладь.

Открыв глаза и невольно задержав дыхание, она сделала долгий выдох. Сердце забилось сильнее и чаще.

Небесный туман, отражающий солнечный свет, на время скрывший лазурную даль лёгким облаком, стал расступаться, подхваченный ветерком. Сквозь плавные по своим очертаниям просветы невесомыми хлопьями облаков расходящейся белой дымки виднелась свело-голубая даль, полная почти растаявшими на едва обозримой высоте пышными перистыми облаками и плывущими по незримой глади кучевыми, подсвечиваемыми золотистыми лучами ещё утреннего солнца.

Таисия перевела взгляд. Дальний берег ещё был погружён в рассветный туман, скрывающий границу между морем и небом, которая, казалось, была мнима даже здесь, с близи. Думалось, что поднимавшийся с водной глади туман был вовсе не туманом, а облаками, рождающимися в ней с каждым новым рассветом и вновь тающими, тяжелея пропитавшейся за день влагой, оседая крупными каплями и испариной ложась с вечера на стёкла домов, на землю.

– О! – тихо и почти неслышно сквозь нарастающий и вновь резко нахлынувший на девушку гомон раздался знакомый голос.

Переведя взор и подняв голову, она увидела стоящего на каких-то бочках и уже вовсю вещавшего на публику Грэгарда.

– Дорогие друзья! – юноша весьма громогласно призвал собравшихся на небольшой причальной площади к вниманию, и это удалось, кажется, даже лучше того, на что он рассчитывал.

Люди, испуганные от неожиданности, в недоумении и удивлении обратили на него взоры.

– Предлагаю больше не дожидаться всеми любимого Дженка и послать вместо него кого-нибудь из присутствующих, – среди людей пробежал шумок. И хотя многие и вовсе не знали о существовании упомянутого выше юноши, а быть может и мужчины, прозвучавший призыв не остался без внимания.

Казалось, что почти все находились в состоянии некой ошарашенности, будто подвластные ещё той, вчерашней панике, неразберихе, нахлынувшей уже новой волной в связи с произошедшим сегодня. Как, впрочем, даже с тем, что молодой человек, стоявший сейчас на бочках и повёрнутый к собравшимся людям, так энергично взял слово, нарушив пелену

перешёптываний, домыслов, сплетен. Проявил инициативу, быть может и преднамеренно, преследуя свои цели.

– Предлагаю свою кандидатуру! – вновь прозвучал голос Грэгарда, прорезая тишину усталого от бессонной ночи города. На небольшой причальной площадке снова воцарился шум.

Многие смотрели на него с подозрением, недоверием, но так, будто этот вопрос уже был решён, несмотря на весьма облачную репутацию Грэгарда в городке.

– А как мы можем быть уверены в тебе? – чей-то вопрос, как и все предыдущие изречения Грэгарда, повис над толпой, в который раз оглушённой прозвучавшими словами.

Сердце юноши забилось с новой силой, но он не подал ни малейшего виду, оставаясь таким же невозмутимым, как и прежде.

– …касатик, – — добавила пожилая женщина, ещё сильнее опёршись на клюку, подаваясь вперёд и немного в сторону, по направлению к стоящему перед толпой юноше, поднимая голову и одновременно плечи, как бы вжимая её в них, пытаясь разглядеть что-то во взгляде Грэгарда, в нём самом.

В её интонациях читалась лёгкая задоринка, а на лице – нет, не выискивающая, а скорее проницательная неявная улыбка.

Найдя её взглядом, юноша открыто посмотрел на неё, уже готовый ответить.

Руки женщины периодически сотрясались, как, впрочем, и всё её тело.

Почему-то он медлил. Будто не мог вот так просто и сразу, смотря ей в глаза, сказать пускай и не задуманную заранее, но всё же фразу, на которую быть может и делал ставку.

Теперь Грэгард как-то по-иному смотрел на неё. Смотрел проникнувшись, смотрел сам собой и сам за себя, будто сам на себя. В его взгляде читались те чувства, которые он испытывал сейчас: где-то горечь, где-то азарт, где-то сомнения, но всё в чистоте открытого взора. Открытого, прежде всего, перед собой.

Этим вопросом смотрящая на него женщина словно подыграла юноше, тем обнаружив, раскрыв его игру.

Хоть встреча их взглядов была кратка в секундах, она оказалась куда дольше, а точнее глубже… Она что-то тронула внутри Грэгарда, что-то, чему ещё предстоит оформиться в мысли, в осознание…

Впрочем, видимо, и старушке эта встреча сказала нечто большее, чем слова, ведь через пару мгновений, удовлетворённо кивнув, она отвела взгляд, становясь насколько могла прямо.

– Со мной может отправиться ещё кто-нибудь из желающих, – смотря уже на собравшихся, с долей прежнего невозмутимого взгляда, вымолвил Грэгард не так звучно и интонировано, как делал это в прошлые разы, но всё же его голос прозвучал довольно громко на фоне всеобщей тишины, гонимой лишь редкими робкими перешёптываниями не удержавшихся напряжённых чувств, эмоций и дум.

Повисла тишина недоумевающих взглядов и редких слов, уносящихся вместе с очередным порывом ветерка. Таисию всё никак не отпускали сомнения о причине случившегося вчера… Вполне возможно, что сейчас Грэгард попросту хочет удрать из города.

Она хотела выкрикнуть, но напряжённые связки не могли разомкнуться для нового звука. Тогда девушка вдохнула, открывая рот, будто собиралась что-то сказать.

– Я… – наконец вырвалось из её уст, но, кажется, никто так и не услышал этого голоса, впрочем, и она сама едва смогла различить его среди всеобщего нарастающего шума и гомона.

– Кхм, – девушка как только могла напрягла горло, чтобы почувствовать напряжение, исходящий звук, себя, которая может произвольно вызывать его.

– Я! – толком не набрав в грудь воздуха, резко выкрикнула она, – я еду с вами, – последнюю фразу девушка произнесла уже в тишине обращённых к ней удивлённых и изучающих взглядов.

Она не знала, сколько ещё в этой напряжённой перешёптываниями, случайными и нет взглядами толпе прошло времени, когда её словно разбудил, словно окликнул с лёгкой иронией более чем знакомый голос: «Я, конечно, разных девушек встречал, но чтобы таких отважных – это впервые!».

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

Вокруг меня толпа людей,
Но сердцу только холодней.
Безмолвные, стальные…
Они как будто заводные.

Вокруг меня толпа людей,
Но нет нигде ничьих друзей.
Вдруг слово вырвется в толпу…
Себя не слышу, хоть кричу.

Вокруг меня толпа людей
Шагает, отбивая ритмы дней.
А ты такой же, как они, —
Неразличимый уж вдали?

* * *

Летний вечер,
Когда погаснут свечи
И вспыхнут звёзды в синеве…

Летний вечер
Подарит нашим встречам
Звенящий трепет в тишине.

Летний вечер
Донесёт слова и речи
Дыханьем тёплым и родным…

Летний вечер
Ароматами залечит
Раны прошлые души.

Летний вечер
Тебе и мне навстречу
Свежим ветром прилетит.

В летний вечер,
Когда погаснут свечи,
Не отпускай моей руки.

Летний вечер
Растает в тусклом свете
Полночной бирюзы.

Летний вечер
Вдали раздастся эхом
Воспоминаний и любви.

* * *

* * *

Города гул, гул полночный.
Шелест и шум одиночных
Улиц, причалов, уснувших в тиши.
Гул ожиданий, притихших в ночи.

Города гул, гул полночный.
Светит фонарь одиночный.
Что ж ты не спишь, озаряя
Сны тихим светом мечтанья?

Города гул, гул полночный.
И много ль, как я одиночных,
Не спящих в манящей тиши,
Разбуженных гулом мечты?..

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

Глава 2

Небо начинало готовиться к закату, со светлого лазурно-голубого переходя в такие же светлые и нежные персиковые тона. По этой чистой дали незримо плыли разводы облаков, словно огромные хвосты небесных рыб, они величаво и грациозно, поддаваясь течению воздушных масс, мягко извивались над морем, над миром.

– Ты знаешь дорогу? – растворяя витавшую в солёном воздухе тишину, прозвучал немного охрипший после долгого молчания женский голосок.

Почти у самого края борта стояли Грэгард и Таисия. Дул едва прохладный ветерок, с каждым мгновением всё меньше принося с собой запахи города. Девушка только недавно вышла из своей каюты, занимавшись ей почти весь день, но более того сидя уставившись в пространство, несмотря на выдавшийся довольно ясный день, пребывая словно в тумане сна. Голова казалась тяжёлой, и думалось, что вот-вот в окно подует свежий ветерок, нежно ворвавшийся с улиц сонного городка, вместе с первыми лучами будя девушку. Что вот-вот она откроет глаза и всё прояснится в утреннем свете её комнатушки.

– …мы давно знакомы с Дженком. Он много рассказывал об этом, – Таисия не помнила, говорил ли Грэгард что-либо до этой фразы или нет, но всё же не стала переспрашивать об этом. Ей показалось, что, услышав вопрос, он едва уловимо отвёл взгляд в сторону, выдыхая.

– А почему он сам не смог отправиться за механиком? – девушка обернулась к Грэгарду, не отпуская с него проницательного, недоверчивого и даже пристального взгляда.

– Послушай, – он повернулся к ней всем корпусом, прямо и открыто смотря ей в глаза, говоря теперь как-то более уверенно, не ускользая от ответа ни словами, ни взглядом, что и трудно было сказать про него когда-либо, – мы с ним, конечно, знакомы, и давно, но не до такого, чтобы рассказывать друг другу о каждом шаге, – и пускай его слова были наполнены чувствами и мыслями, они, как и прежде, звучали с лёгкой иронией и улыбкой. В нём не было злости и раздражения. Он будто всегда внутренне оставался спокойным, но сочувствующим не безразличным, даже если и не подавал на то вида.

«Но не сказал, что не виделся с ним вчера», – пронеслось в голове у Таисии.

Юноша вздохнул, едва ощутимо отстраняясь от девушки, снова устремляя взор на серую водную гладь, меняющую свои очертания, но смотря будто бы вовсе не на неё.

– Ты, конечно, думаешь, что это я вывел из строя ваш двигатель и теперь у всех на глазах нагло сбегаю из города. Но это не совсем так… – в его глазах грустью отразились блики мягкого света раннего летнего вечера, и теперь, казалось, именно они на мгновения стали центром его внимания.

Засмотревшись на волны, Таисия внимала словам Грэгарда. Но через некоторое время её осенило.

– Что? – она резко развернулась, но юноши уже не было рядом. Её тихий за перекатами морской дали голос возмущением и неожиданностью осознания вырвался громким воскликом.

«Не совсем?!»

Тем временем Грэгард уже увлечённо обменивался фразами с матросами, лишь подмигнув девушке, заметив её недоумевающий и тревожный взгляд, переполненный негодованием.

Уже в молчании, смиряя высшую степень возмущения глубокими и участившимися вдохами, Таисия вновь обернулась к плещущимся за кормой волнам, к дали, необъятным просторам, уходящим в тёплый ясный и свежий своими ароматами и прикосновениями вечер. Показалось, что юноша мягко улыбнулся, нежно смотря на неё…

Смеркалось, в водной глади небо разводами рисовало затухающий в ясной синеве ранней ночи, сияющий тысячами невесомых и ещё едва заметных звёзд вечер. На палубе только недавно зажгли свечи, тем не менее оставляя многие каюты в туманном безмолвии наступаю-

щих сумерек. В коридорах судна приятно пахло просмолённым деревом, средь непостижимых разуму просторов стихий напоминая о чём-то тёплом и уютном, сделанном руками человека, о чём-то земном и родном, о чём-то светлом и духовном, что витало в этих ароматах. Напоминая о том, как много люди могут сделать руками, но прежде всего сердцами.

Волны размеренно ударяли о борта судна, но здесь почему-то совсем не возникало чувства страха находиться посреди безлюдной пустыни моря. Наоборот, казалось, что всё оно было наполнено этим теплом, этой непоколебимой силой людского духа.

Таисия, окутанная пеленой своих мыслей и усталостью, прошла мимо Грэгарда и стоявшего рядом с ним молодого человека. Не успев заранее увернуться в довольно узком коридоре, чуть ли не сбив плечом первого, она поспешила в свою каюту. Когда где-то вдали стихли звуки шагов и глухо ударилась дверь, молодой человек с лёгкой тревогой и взволнованностью перевёл взгляд на Грэгарда, всё ещё повёрнутого в сторону, куда недавно направлялась девушка, но, чуть склонив голову, смотревшего куда-то в пространство чувств и мыслей.

– Какая-то она у тебя странная, – заверил молодой человек, выводя из задумчивости своего приятеля, который, переменившись в выражении лица, деловито кивнул другу, призывая последовать за ним.

Пожав плечами, юноша вслед за Грэгардом направился вперёд по коридору. Он был невысокого роста, подтянут и мускулист. Его светлые волосы вились лёгкими волнами, а походка, да и все прочие манеры были какими-то нагловатыми и самодовольными, расхлябанными, хотя его взгляд и речи часто были совсем не такими, по крайней мере по своему смысловому наполнению.

И только когда они оказались в каюте, освещённой тусклым светом подсвечника с несколькими свечами, а Грэгард, пропуская друга, плотно закрыл дверь, он произнёс: «Во-первых, не у меня, а во-вторых, на себя посмотри».

Грэгард почти сразу продолжил движение к небольшому столу, на котором шумно разложил карту.

– Два сапога… Км… Кх… – с хрипотцой и как бы невзначай начал оставшийся у двери юноша, нарочно закашлявшийся на последних несказанных словах.

По каюте пробежались смешки ещё двух парней, сидевших сбоку.

– Помнишь, ты спрашивал, куда мы идём? – конечно, услышав прозвучавшую реплику и последующие за ней насмешки, Грэгард продолжил уже более спокойно, будто и вовсе ничего не было. Он говорил так же твёрдо.

В ответ молодой человек промолчал, хотя, по-видимому, этот вопрос и прозвучал как риторический.

– Сюда, – Грэгард ткнул в ближайший довольно крупный город на их пути.

Молодой человек подошёл чуть ближе, вытягивая голову, чтобы посмотреть на точку, находящуюся под указательным пальцем приятеля. У юноши была весьма длинная шея, впрочем, она казалась вполне лаконичной при удлинённом овале лица, скорее, прямоугольной формы. Но не успел он и приглядеться, как Грэгард вскочил, в два шага подойдя к оторопевшему парню, выкуривающему всё это время сигару, которая уже через несколько мгновений оказалась вышвырнутой через окно в морскую гладь.

– Сколько можно просить не дымить в каюте? – с полушутливыми интонациями рявкнул Грэгард, после плюхаясь на скрипящие механизмы спального места, завязывая руки в узел перед грудью.

Остальные переглянулись, а вошедший вместе с Грэгардом молодой человек, закатив глаза, покрутил пальцем у виска так, что всем остальным едва ли удалось сдержать смех, всё же вырвавшийся резкими, порой озвученными голосами приятелей выдохами. И хотя молодой человек особо не украсил данное движение мимикой, в его исполнении оно прозвучало крайне подходяще к ситуации, живо и смешливо.

– Одну оставь… – в тишине полусонной каюты раздался голос Грэгарда, охрипший после короткого, но такого глубокого, словно временного омута беспамятства сна.

За бортом всё так же размеренно шумели волны, убаюкивая размеренным тактом. Кормовые огни отражениями качались на волнах, то и дело вспыхивая в синей бирюзе водной глади. Молодой человек, выкуривавший сегодня сигару, по просьбе приятеля задул только две свечи, лёгкий дымок которых, освещённый оставшимся огоньком, вскоре растаял в тёплом дыхании погрузившейся в полутень каюты.

Вскоре, стараясь не шуметь особенно сильно и не тревожить тихие посапывания, впрочем, не всех уснувших приятелей, Грэгард вновь сел за стол, замерев так на некоторое время – то ли в дрёме мыслей, то ли ещё досыпая так неожиданно прервавшиеся для него минуты сна, начавшие свой отсчёт не менее внезапно.

Тёплый огонёк поддавался лёгким отголоскам дыхания юноши, долетавшим до свечи уже прохладными прикосновениями. Трепыхающийся свет каждое мгновение плавно сменял очертания теней, то будто бы притухая, а то словно разгораясь сильнее. Он казался настолько хрупким, будто мог погаснуть в любую секунду. Грэгард выдохнул чуть сильнее. Огонёк наклонился, после только ярче освещая каюту и одиноко мерцая на подсвечнике. После этого дуновения он будто ещё сильнее укоренился на фитильке, желаннее прорезая ночную синь.

Юноша удивился стойкости хрупкого огонька, коря себя за содеянное, хотя в глубине души и знал, верил, что он не погаснет. Он просто не мог.

Пошарив рукой в ящиках под столом, выполнявших с одной стороны своеобразную ножку, Грэгард обнаружил небольшую записную книжку, прошитую кожей. На нескольких первых страницах скорой рукой были набросаны некоторые расчёты. Юноша перелистнул их вместе с последующей пустой страницей, а на вновь образовавшейся свободной «первой» слева в верхнем углу написал дату, а ниже: «Первый день на судне».

Он не знал, зачем это делает, тем более, признаться, никогда не понимал тех, которые ведут дневники. Он хотел было написать об этом, но то ли нечаянно, а быть может нарочно поставил небольшую, даже аккуратную и красивую кляксу. Такую, какой, кажется, и должна быть та самая настоящая из них. Но что-то в ней было не столь идеальное, от чего она казалась ещё милей и родней. Она словно обозначала собой недосказанные мысли и чувства юноши.

Тяжело выдыхая, Грэгард потёр руками лицо, вскоре как-то обречённо и вместе с тем обнадёживающе устало посмотрел на раскрытую книжицу.

Если поначалу ему казалось, что ещё не все присутствующие в каюте уснули, нехотя став сонно-любопытными свидетелями его начинания, то сейчас его почему-то не покидало ощущение, что все уже провалились в сладкую дрёму.

Показалось, что за окном светает. Грэгард закрыл блокнот, убирая его на прежнее место, но чуть по-иному, а затем потушил свечу.

В погрузившейся в свет ночи каюте незанавешенное окно казалось светлее. Смотря в небесную даль, юноша подошёл к нему. Поднеся стоящие ранее всё на том же столе и довольно громко, как показалось в чуткой тишине посвистывающих дыханий, идущие часы к холодному, леденящему свежестью прохлады свету, проникающему сквозь стекло, он обнаружил, что стрелки лишь недавно миновали полуночную отметку. Хотя, как по внутренним ощущениям после сна, так и по необычайно светлой ночи, казалось, что вот-вот горизонт начнёт проясняться, а сменившийся ветер направит судно к новому рассвету. Не думая, что уже уснёт, Грэгард прилёг, но вскоре незаметно погрузился в трепет дрёмы, унося недавно повисшие на сердце грузность и духоту. Не пролежав так и минуты, юноша встал и тихо вышел из каюты.

А за окном действительно начало проясняться этой удивительно короткой и светлой ночью раннего лета.

Сегодня ночью сон никак не накрывал девушку своим плотным, мягким одеялом. Она постоянно ворочалась, даже сквозь обрывчатую дрёму чувствуя каждое своё движение. А ненадолго провалившись в уже нежданную глубину сна, Таисия проснулась посреди ночи, больше и не пытаясь снова заснуть. Хоть стрелки часов только недавно приблизились к полночной отметке, на небе уже заметно светало.

Девушка села на кровать. Каюту окутывал лёгкий туман холодного света с каждой минутой всё большое проясняющегося дня. В щёлку приоткрытого окна завывал небольшой сквознячок, наполняя помещение прохладой летнего рассвета и тысячами невидимых капель моря, повисших в воздухе далеко вокруг за обозримые горизонты. Таисия думала о доме, о маме, о переплетениях нитей и новых узорах, находя схожими переплетения людских судеб в полотне жизни, об этом невесомом и ласковом рассвете, в который, несмотря на всё произошедшее, несмотря на всё грядущее, ей почему-то стало так тепло и спокойно как никогда раньше. Ещё она думала о Грэгарде…

Неизвестно, сколько бы времени она провела, сидя на кровати, но вскоре, смешавшись воедино с мыслями и воспоминаниями, её вновь окутала пелена на этот раз сладкой дрёмы. Каюта наполнялась всё ещё бледным светом наступающего дня.

Когда поутру раздался осторожный и тихий, но вместе с тем уверенный стук в дверь, Таисия уже проснулась, вновь сидя на кровати, погружённая уже скорее в нежный трепет наполняющего не только помещение, но и сердце рассвета. Недавно она смотрела в окно на небо, меняющееся светлой дымкой облаков, едва подсвеченных в желтоватые оттенки. Будто чувствуя, что он постучит, девушка отвела взгляд.

Размеренно шумели волны, а звуки природы и сонного судна были так полны и ненавязчивы, что сейчас не хотелось никаких слов, способных лишь разрушить эту тонкую и изящную, хрупкую материю тишины, нежно звенящую и играющую ведомую лишь душе мелодию. Девушка продолжала спокойно сидеть, опустив взгляд в сторону от двери, мягко и незаметно улыбаясь, также незаметно для себя обратившись всем телом в ту сторону.

Уже не так громко, но вопросительно повышая тональность на последней ноте, прозвучала пара стуков.

Таисия мягко улыбнулась, вновь посмотрев в сторону двери. Казалось, что таким способом Грэгард переговаривался с ней, словно зная, что она не спит. Ей захотелось подойти и ответить ему на том же получувственном языке перестукиваний. И она почему-то знала, что он поймёт её, не нарушит эту тишину словами, не войдёт, а, быть может, ответит что-то, вновь постучав по двери. Но вместо этого улыбка вскоре исчезла с лица девушки, и, подобрав ноги под себя, как только это было возможно, она легла, почти до макушки укрываясь одеялом.

Когда Таисия открыла глаза, за окном уже вовсю разгорался день, приближая полдневное время.

Сладко потянувшись, она встала с кровати, по привычке застелив её, пересиливая тягость этих движений, ещё окутанных негой дрёмы. Поблёскивая, по помещению разлетелись пылинки, кружась в своём незримом танце, подвластном дыханиям и ветрам.

Осторожно сев на кровати, хотя скорее хотелось плюхнуться на её мягкие пружины и глубоко вздохнуть, она провела так ещё немного времени, переводя дыхание после сна.

Нежно скрипнув, дверь мягко отворилась, пропуская девушку. Не оборачиваясь, она прикрыла её.

– Ну ты и дрыхнешь! – неожиданно раздался в меру звонкий и уже давно растерявший остатки дрёмы голос юноши.

Грэгард стоял, облокотившись на стену у двери, как раз в той стороне, которая ускользнула от внимания Таисии. Резко вдохнув, девушка молниеносно обернулась.

– Что ты здесь делаешь? – напуганная неожиданностью услышать чей-либо голос, а тем более увидеть здесь юношу, с непроизвольным вызовом спросила она.

– Караулю тебя, – прямо отозвался Грэгард, снова улыбаясь и подходя чуть ближе.

Таисия неспеша начала движение.

– Тебе совсем делать нечего? – оборачиваясь через плечо, да и ступая чуть развернувшись к юноше, немного успокоившись и придя в себя, она вновь обратилась к Грэгарду, а её голос прозвучал с лёгкими игривыми нотками.

Движения стали более раскованными, как, впрочем, и сама девушка, кажется, вновь вернулась в прежнее и такое непривычное, немного пьянящее состояние душевного тепла. Однако пока что-то тревожило её. Быть может, эта непривычная обстановка, ещё не установившийся распорядок, какая-то чистота и свобода от заготовленных фраз и предписанных движений, которые пускай и придумала сама она, но которые проходили через каждый день, гурьбой наполняя их. Размеренный ход судна, море и небо, наполненные солёной влагой ароматов лета и тепла смолянистых досок внутренней обшивки парусника, казалось, сами собой навевали подобное состояние тепла и спокойствия, внутренней гармонии, создавая особую, думается, не столь передаваемую на бумаге, сколь чувствуемую сердцем атмосферу.

– Почему же нечем? – юноша, по обыкновению улыбаясь, с хитринкой взглянул на девушку, нарочито опуская голову и как бы снизу заглядывая ей в глаза, – я занят очень важным делом, – распрямился он, следуя чуть сбоку от Таисии, всё обращённой вполоборота к нему, – я бы даже сказал – миссией… сопровождать единственную, – он сделал особый акцент на этом слове, – на судне и, между прочим, очень красивую девушку.

Он говорил медленно, будучи всем своим видом, каждой ноткой голоса довольным как мартовский кот.

– Охранять её от непонятных… – на последнем слове он ещё больше замедлил речь, оборачиваясь на проходящего мимо моряка, как в подтверждение его слов вывернувшегося на девушку, чуть ли не раздражённо заглядывая за спину Грэгарда, который смерил его таким ощущающимся кожей взглядом, что тот, лишь как-то оскорблённо причмокнув, продолжил идти куда шёл, больше не оборачиваясь.

– Хотя, – юноша как ни в чём не бывало снова возвратился к разговору, – очень даже и понятных… кхм… мужчин, – последнее словно прозвучало особенно интонировано, если не сказать язвительно.

– Может тогда ты собираешься караулить меня и всю ночь? – не заметив всего произошедшего, Таисия продолжала скептически вести диалог, но всё же с лёгкой улыбкой она покосилась на юношу.

Однако в ответ раздалась лишь многозначительная пауза. Казалось, что Грэгард вновь поднёс руку к кончику носа, от чего девушку осенила явная догадка, что он уже и стоял у её комнаты с самой ночи, а точнее, с самого раннего часа, когда сев на кровать, она почувствовала тепло и спокойствие, смогла погрузиться в долгожданную сладость дрёмы…

– Всё-таки это я затащил тебя на судно и теперь несу за тебя ответственность, – продолжил он, возвращаясь к прервавшемуся для девушки лёгкой пеленой какой-то мечтательной задумчивости разговору.

Едва заметная улыбка тотчас же исчезла с лица Таисии, сменяясь суровостью и напряжением высшей степени несогласия и протеста.

– Вообще-то я сама вызвалась плыть с вами, – возмущённо отчеканила она, едва приостановившись.

– Ну разве ты могла остаться, думая, что я нагло удираю из города?.. – мягко, но с неизменной улыбочкой произнёс Грэгард с выражением. Он уже совсем остановился, смотря на девушку.

От возмущения и осознания того, о чём он говорил, Таисия только и успела открыть рот, вдыхая, сбавляя пыл эмоций для последующих фраз, как Грэгард шире распахнул дверь столовой, к которой они так незаметно подошли.

Как только отворилась дверь, вся команда, уже начавшая обеденную трапезу и о чём-то оживлённо переговаривавшаяся, смолкла, погружая помещение в тишину дыханий, изучающих взглядов и неразличимых ухом перешёптываний.

– Кхм… – звучно начал сидевший спиной к двери по узкой стороне довольно длинного стола мужчина, оборачиваясь к паре, – садитесь, располагайтесь, – он по-хозяйски указал на свободные места, которые разделяли несколько моряков. Проходя мимо пригласившего их к столу мужчины и уважительно кивнув ему в знак благодарности, девушка обратила внимание на его костюм. Кажется, это был капитан судна.

Большую часть помещения столовой занимал сам массивный стол, с двух сторон к которому были придвинуты скамейки без спинок, чтобы можно было с лёгкостью переступить через них, занимая своё место за столом.

Встав за спиной одного из матросов, сидевшего рядом со свободным местом, Грэгард звучно пробил хрипотцу голоса, немного откашливаясь, смотря на макушку сидящего. Поняв недвусмысленный намёк, тот встал, как-то немного раздражённо и скептически вздохнув, хлопнул по плечу сидевшего рядом приятеля. Так, когда двое сместились на одно место влево, освобождая для пары два свободных рядом, через некоторое время девушка переступила скамью, присаживаясь на ещё нагретое место. Кто-то покосился на неё через плечо, на что юноша нарочито громко выдохнул, лишь закатив глаза, вскоре садясь и тем ограждая Таисию от скверных взглядов.

– Ну, вообще, – продолжил кто-то прервавшийся появлением пары разговор, – женщина на судне… сами знаете, – понизив недовольно тон и вместе с тем как-то обречённо выдыхая, возвестил чей-то довольно молодой, почти лишённый хрипотцы голос.

Таисия опустила глаза, тяжело сглотнув, смачивая сухое горло.

– Знаем, – по-свойски, дожёвывая пищу, с вызовом отозвался капитан.

Проглотив и причмокнув, он продолжил:

– Дело в том, что… – отложив столовые приборы, он положил локти на стол, разводя их в разные стороны, опираясь на них, подался вперёд и посмотрел на молодого мужчину, недавно возобновившего разговор средь перестукивания ложек по тарелкам, лёгкого чавканья и иных звуков, свойственных подобным местам, тем более в преимущественно мужской компании. Признаться, в целом обстановка была довольно культурная и сдержанная, а быть может, и выдержанная. – …у нас уже есть одна, – капитан многозначительно кивнул, опуская голову и взглядом разговаривая с молодым человеком, который, прочитав его, отвернулся, продолжая трапезничать уже без особого аппетита. – А что дамой меньше, что дамой больше… Тут уж… без разницы, – вновь причмокнув, продекламировал капитан, облокачиваясь на спинку своего единственного в помещении стула, щедро иллюстрируя речь взмахами рук. Приподнимая плечи, он развёл руками.

Все усмехнулись, вскоре продолжая более раскованно, если не сказать весело, брякать ложками, а в помещении будто стало легче дышать, будто растаяли ещё недавно повисшие напряжение и скованность.

– А кто она? – вырвалось у Таисии, которая и сама порядком опешила от неожиданной смелости.

Грэгард тоже в удивлении и мимолётном недоумении обернулся на девушку, но вскоре, вновь улыбаясь, продолжил обед.

– О-о-о… – мечтательно протянул мужчина, закрыв глаза и вместе с тем чуть приподняв брови. Он явно оживился, будто так и ждал услышать этот вопрос, – она прекрасна! – восторженно, как первые строки поэмы, произнёс он. Сейчас в движениях и манерах капитана было что-то необычное и, быть может, оттого немного странное. Он будто специально перебарщивал с вполне привычными и обычными для него движениями, утрируя их амплитуды и играя интонациями речи.

– Нежна, – он снова прикрыл глаза, сделав плавное движение рукой, словно попробовал что-то изысканное и очень вкусное, тающее во рту едва уловимым послевкусием, – но с характером… – уже более отрывисто и возвращаясь к привычной манере, добавил мужчина, интригующим взглядом обращаясь к девушке и, казалось, к каждому присутствующему.

– Как и подобает каждой Женщине, – последнее слово он особенно акцентировал, а распрямившись в плечах, насколько мог грациозно провёл в воздухе линию, выводя отдалённо напоминающий контур силуэта и поднимая голову соразмерно тому, как опускал руку.

Кто-то снова хихикнул, чуть ли не подавившись супом, многие просто улыбнулись, тая или не скрывая своей реакции. А кто-то так и продолжил трапезничать, не обращая особого внимания на происходящее или не подавая виду, единицы и вовсе скорчили кислые лица так, будто вместо бульона черпали неразбавленный сок лимона. Грэгард, всё это время внимательно наблюдавший за капитаном, сидел уже скорее с озадаченным, если не сказать с немного растерянным видом. Опустив взгляд на тарелку, а затем переводя его на почти полное блюдо Таисии, юноша вздохнул.

– Потом сами увидите, – улыбнулся капитан. Шмыгнув носом, он продолжил обед.

Хотя сам мужчина по всей видимости был человеком лёгким в общении, об этой незнакомке он говорил особенно. Вообще, если бы не костюм, по его манерам, да и комплекции – довольно коренастый, среднего роста, почти что в меру упитанный и с животиком – казалось, будто он всю жизнь проработал коком.

Осторожно сделав несколько глотков уже остывшего супа, девушка, чуть опустив голову, невольно остановила взгляд, устремляя его в неопределённую точку на столе. Лёгкая улыбка сошла с её лица. Таисия вспомнила о недавних словах Грэгарда. Ей стало почти невыносимо находиться здесь. Он специально подстроил всё это… А она повелась. Но зачем?..

– И всё-таки я согласен с Клицем, – размыто и как будто где-то вдалеке раздался чей-то голос. Таисия уже почти не слышала его и последующих фраз, не зная толком, прозвучало ли что-либо после них или нет. Уже не обращая ни малейшего внимания на это, она как во сне поднялась из-за стола и, буркнув что-то, покинула помещение.

Повисла во многом изумлённая и неловкая тишина.

– Доиграли? – вырвалось у капитана, – обидели девушку, ка-ва-ле-ры, – спаясничал он по слогам, – молодцы, что и говорить…

Взволнованно проводив девушку взглядом, Грэгард уже не обращал внимания на последовавшие слова. Он словно понял, что причина вовсе не в находившихся здесь моряках. Немедля он поспешил ей вслед.

– Молодцы, – менее интонировано, медленно, не столько разгорячённо, сколько раздосадовано, сквозь вновь окутавшую помещение тишину произнёс капитан.

После паузы, на автомате возвратившись к трапезе, мужчина импульсивно, но не бросая, отложил столовые приборы. Эмоционально отмахнувшись от сидящих за столом, он пробубнил себе под нос, судя по всему, нечто неприятное по отношению к собравшимся, вскоре отворачиваясь от них, выдыхая и завязывая руки у груди.

– Стой! Тая! – юноша бежал по коридору, не замедляя шаг, даже когда увидел Таисию, – послушай, я… – немного запыхавшись, скорее больше от волнения, чем от бега, вымолвил он, останавливаясь рядом.

– Я хочу побыть одна, – отрезала та, чуть замедлив ускоренный шаг.

Положительно угукнув, Грэгард всё же продолжил следовать за ней.

Пройдя ещё немного, девушка резко обернулась и посмотрела на него. Их взгляды соприкоснулись. Сейчас её глаза были так близко, как, казалось, никогда раньше, и от того у юноши вновь пробежали мурашки. Так же, как и тогда, ещё в городе… Она смотрела с каким-то нежным укором, который, впрочем, сейчас был не так уж нежен, как однажды, но от того не менее манящ. Сердце девушки забилось ещё сильнее, и на мгновение она отвела взгляд.

– Я тоже, – вырвалось у юноши, и он почти неуловимо дёрнул плечами, а когда Таисия удивлённо обернулась, казалось, что прежняя улыбка заиграла на устах Грэгарда, а рука коснулась кончика носа.

– Одна – это значит наедине с собой, – уже на ходу, не оборачиваясь, произнесла девушка нарочно замедленно и с какими-то учительскими, строгими нотками раздражённости, но и с теми, которые читаются, когда уходит грусть и кажется, что теперь уже хочется улыбнуться, тем не менее не позволяя себе и мысли о том.

– Я тоже, – повторил Грэгард без ноток смущения, наоборот, даже с лёгким ироничным раздражением, подражающим ей, – хочу побыть наедине… – произнёс он уже мягко и нежно, но всё так же уверенно, – с тобой.

Думалось, что после прозвучавшей фразы Таисия вновь обернётся к нему, скользнув на мгновение задержавшимся взглядом, но они уже вышли на палубу, обдуваемую солёным ветром, в ту же секунду развеявшим грузность и затхлость прежних мыслей и обид.

Где-то вдалеке кружили чайки. Помимо просторов водной глади, судно, более последних, окружали просторы небесные. Насыщенно лазурно-голубые и чуть разбелённые к горизонту, такие глубокие и лишь такие, которые бывают летом. Такие, по которым сейчас в лёгкой и едва тревожной безмятежности плыли белоснежные облака, плыли лёгкими разводами, словно сошедшими с пера самой Природы.

Таисия подошла к борту, закрывая глаза, предаваясь морскому ветру и лучам солнца, Природе, миру… Это было так странно и необычно для неё, будто впервые за долгое время она касается их так близко. Будто впервые вот так на «ты» слышит их, ощущает, чувствует… как шумит и посвистывает ветер, как греют лучи, как дышит влагой волна, порой долетая до рук и лица невесомыми брызгами, каждый из которых, казалось, является частицей и целым всего моря. Может быть, она, действительно, впервые останавливается именно и только для них? Для того чтобы их ощутить, почувствовать.

Грэгард остановился у противоположного борта, видимо, тоже глядя по сторонам и вглубь себя, вдыхая этот воздух, единый своими запахами и прикосновениями для всех, кто только вышел бы в эти минуты на палубу, но, согревшись в груди, в толще чувств, эти ароматы становились такими особенными для каждого.

– Скажи мне правду, – глубоко вдыхая, будто вместе с тем пытаясь запомнить, сохранить эти ароматы и ощущения, эти мгновения, чуть выкрикнула сквозь шум перекатов волн девушка, не оборачиваясь, уже и не надеясь, что он услышит. Но через небольшую и такую растянувшуюся для неё шумом моря и всплесками волн, такую бездонную и полную звуков и чувств паузу раздался его голос. Снова как спасение, как мелодия посреди всеобщего шума и гула. Таисия незаметно для себя тихо выдохнула.

– Ты правда хочешь её услышать?..

Она молчала. Быть может, где-то в глубине души не желая. Быть может, будучи пока не готова услышать её, воспринять. И уж точно она не была готова поверить в неё. По крайней мере в ту, которую больше всего боялась услышать, и в ту, в которую больше всего хотела бы верить.

Девушка глубоко вздохнула. Она продолжала так стоять, а на сердце отчего-то стало так легко и тепло. Теперь ей казалось, что он услышит, даже если она скажет совсем тихо, почти шёпотом, одним дыханием, одними губами. И не так был важен сам его ответ, сколько его наличие. Как, впрочем, не столь был важен и её вопрос, сколь его звучание. Главное, они услышали друг друга. Главное, они нашли друг друга.

Они ещё долго стояли так. И хотя их разделяло всё расстояние палубы, обоим казалось, что находятся близко друг к другу, чувствуя тепло каждого. Так близко, будто похолодевший ветер касался их гораздо дальше. Вскоре день стал сменяться вечером, а на небе всё таяли предзакатные пейзажи, которые уже были незаметны для Грэгарда и Таисии, смотрящих на них

сквозь полноту чувств, будто и окрашивающих сегодня небо в такие цвета, будто и касающихся порывами этого ветра.

Опомнившись, Грэгард едва заметно дёрнулся, осмотревшись по сторонам. Отзвенел закат, повиснув капельками морской воды, окрашенной в пастельные и угасающие на небосводе тона, ложась сияющими звёздами на волны, на борта судна, будто неся его вперёд, увешанное свежей росой. Ему казалось, что он давно стоит здесь один, а обернувшись, Грэгард понял, что эти догадки лишь подтвердились.

Глубоко вздохнув, ненадолго возвращаясь в прежние мысли, Грэгард побрёл обратно в столовую, где должно быть уже накрыли к ужину, хотя сейчас он вряд ли смог бы съесть что-либо.

Хмуро войдя в помещение, он занял первое попавшееся свободное место. Ему почему-то думалось, что Таисия не придёт сюда.

– А где?.. – спросил капитан, водя рукой в пространстве, указывая рядом с юношей, на что последний только дёрнул плечами, продолжая смотреть в одну точку.

Мужчина сделал продолжительный вздох, напрягая подбородок.

Когда вся команда собралась за столом, многие стали молчаливо переглядываться, нехотя начиная трапезу, в большинстве случаев опуская взгляды, увидев пустующее место девушки и её тарелку с остывающими угощениями, а также уловив общее настроение, настроение Грэгарда.

– Я пока отнесу… – тихо вымолвил он, вставая из-за стола с порцией Таисии, и, казалось, что после этого чаще и звучнее застукали ложки оставшихся в помещении столовой.

За окном доцветали краски ушедшего за горизонт солнца, но на судне ещё не зажгли огни, из-за чего в коридорах было темно как ночью.

Таисия сидела на поскрипывающей кровати, по обыкновению заплетая вечером косу. Она смотрела куда-то в пространство мелькающих в воздухе пылинок, поблёскивающих под тёплым светом зажжённой свечи. Девушка думала о доме, о маме… Мысленно представляя, что сейчас сидит в своей комнате, а за стенкой готовится ко сну уставшая после рабочего дня женщина. Таисия смотрела на играющий огонёк, представляя мерцание своей прежней свечи.

Почему бы тогда ей просто не подойти к маме и не обнять перед сном. Хотя даже эти тёплые, щемящие грудь чувства сейчас были не менее теплы, чем иногда бывают «запланированные», переходящие в своеобразный ритуал, а не моментальное выражение чувств, объятия. Сейчас она чувствовала, ощущала её куда ближе, чем находясь с ней в соседней комнате.

Забытьё мыслей прервал чей-то пристальный взгляд, точнее, безудержное и даже более чем настораживающее ощущение того, что на девушку кто-то уже довольно долго безотрывно смотрит. Затаив дыхание, Таисия медленно обернулась в сторону дверного проёма. Сердце бешено заколотилось, а затем будто на мгновение и вовсе замерло, когда всё тело вздрогнуло от неожиданности и секундного ужаса. Из чёрного проёма не затворённой до конца двери на неё уставились два светящихся глаза, и, прежде чем рациональные мысли взяли верх над испугом, в голове пронеслась куча неосознанных, но вводящих во временный шок оторопелости предположений.

– Мр-няу, – деловито растянуто раздался чей-то голосок, а через несколько мгновений тёплый свет каюты осветил лоснящуюся пепельную шёрстку потёршейся о косяк кошки, которая теперь села, так же внимательно смотря на Таисию, но уже в обозримом для последней месте.

Облегчённо, но всё же ещё отрывисто выдохнув, девушка разглядывала вошедшую особу. Её шерсть была средней длины, особенно распушаясь на светлой грудке, панталонах и хвосте. Переливающиеся серебром ушки направлялись в сторону Таисии, однако одно из них едва заметно то и дело поворачивалось в сторону коридора, оставляя подконтрольной, казалось, всю обстановку, царящую на судне.

Понаблюдав ещё немного за незнакомкой, кошка вальяжно зевнула, от чего длинные белые усы на время веером переместились вперёд, а на фоне розового ротика обнажились длинные клычки. Причмокнув, она медленно направилась к Таисии. Лапки без преувеличения и оспаривания этого факта со стороны любого из находящихся на борту хозяйки судна темнели книзу, переходя дымчатыми оттенками к пушистым «тапочкам».

Усевшись рядом с кроватью, кошка ещё раз, но уже более тихо и менее продолжительно, мяукнула, смотря на гостью. Её голос был немного пискляв, что несколько капризными и своенравными нотками только подчёркивало аристократическое происхождение дамы. От края её зелёно-жёлтых, подведённых тёмными, а после контрастно светлыми шерстинками глазок отходили две аккуратные более тёмные, чем основной цвет кошки, полоски. Такие же шерстинки неоднородного по всей длине, но тёмно-пепельного к кончикам цвета создавали едва различимые полоски и на лапках. И тем не менее обобщённое определение «серая и полосатая» было неуместным и попросту оскорбительным для этой особы, которая ловко запрыгнула на кровать, буркнув что-то во время прыжка.

Таисия порядком опешила от такой уверенности и в определённом смысле стремительности действий новой соседки, точнее, это именно девушка была новой соседкой.

Обладательница шершавого коричневого и обведённого более тёмным по краям изящного носика на спешила готовиться ко сну. Она осторожно приближалась к Таисии, знакомясь с ней, обнюхивая её. Девушка в свою очередь так же аккуратно, чтобы не спугнуть настороженную, но вместе с тем внутренне спокойную кошечку, поднесла руку к пушистой головке, от чего своенравная красавица наклонилась, уходя от прикосновения, немного подавшись назад. Но обнюхивая через некоторое время руку Таисии, она коснулась своим тёплым и сухим носиком кончика её пальца, а вскоре девушка уже смогла погладить особу по головке, точнее ей было позволено это сделать. И, кажется, на мгновение кошка прикрыла глазки от удовольствия, хотя даже употреблённое слово звучит как-то невежливо и грубо по отношению к этому удивительному созданию, если только не будет написано с большой буквы.

Из приоткрытой каюты доносился приглушённый свет, растворяя темень коридора на многие метры, чему несказанно обрадовался шедший с ужином и налитой до самых краёв чашкой чая юноша.

Войдя в покои, предварительно постучав, проявляя мастерство эквилибристики с удерживанием тарелки со столовыми приборами и кружки, Грэгард так и застыл, не веря своим глазам. На кровати сидела девушка, укрыв ноги накидкой, а рядом с ней, облокотившись на неё и вальяжно вытянув лапы, лежала серая кошка, с нагловатым прищуром смотря на потревожившего её сон юношу, который, улыбнувшись, посмотрел на Таисию.

Глаза пушистой незнакомки округлились, а зрачки сузились, наблюдая за бесцеремонностью и невоспитанностью вошедшего человека. Последний тем временем прошёл чуть дальше, положив ужин на стоящий рядом с кроватью стул, в последний момент всё же немного разливая душистый чай.

– Пф, – чихнув, дёрнула головой пепельная особа, спрыгивая на пол и с возмущённым видом шествуя к выходу, деловито и важно подняв хвост.

Грэгард проводил её долгим взглядом, а когда дама удалилась, приоткрыл дверь ещё больше, выглядывая в коридор, где на небольшом расстоянии от каюты остановилась кошка.

– Извините, – немного язвительно, но тем не менее добродушно подшутил юноша, умильно улыбаясь вслед прекрасной особе, которая лишь на мгновение повела ухом в сторону доносящихся звуков. Однако она всё же осталась сидеть посреди прохода коридора, нервно подёргивая хвостиком.

– Н-да, – покачал головой Грэгард, возвращаясь в каюту, – интересно, как её зовут, – он обернулся к Таисии, которая, едва наклонив голову, смотрела на него с лёгкой улыбкой и укором.

Юноша снова улыбнулся, опуская взгляд.

– Может, Тася? – уже без тени улыбки на лице, но с игривым блеском в глазах вымолвил он, на что девушка отвела взгляд, выдыхая.

– У неё наверняка уже есть своё имя, – произнесла девушка, усаживаясь удобнее.

Он улыбнулся, по привычке касаясь кончика носа.

Позже, как-то тяжело выдохнув, Грэгард, оставляя в выражении лёгкую и, казалось, извечно присущую ему шутливость, сел на подхватившуюся табуретку.

– Что?.. – удивлённо и встревоженно спросила девушка, когда он будто что-то хотел сказать, но не стал, устремляя куда-то в сторону такой странный для него отдалённостью, немного уставший, но всё же полный дум и чувств, полный души взгляд.

– Нет, ничего. Просто… – не договорив, повышая интонации, юноша остановил на ней вскоре вновь скользнувший куда-то в сторону взгляд, – просто, – понизив тон, закончил он.

– Ты ешь, – обернувшись уже в дверях, постарался улыбнуться Грэгард. Оканчивая разговор на этой более позитивной ноте, всё же не сгладившей недосказанность и тишину повисших немного вязких приходящей дрёмой мыслей, он тихо покинул каюту, в которой остался лёгкий шлейф его запаха, казавшийся Таисии таким знакомым и приятным, что она глубоко вдохнула, прикрывая глаза.

В столовой все уже начали расходиться. Грэгард, оставаясь немного понурым и грустным в своей задумчивости, сел на прежнее место, не обращая внимания на происходящее вокруг. Он сидел, смотря в пустоту и вместе с тем в глубину своих мыслей и чувств, которые будто не удерживались в нём, не вмещались в его грудь, вырываясь невидимыми наружу, и казалось, что рядом сидящие могли почувствовать их, услышать… Почувствовать его настоящего.

Вскоре в помещении остались только двое: он и капитан, терпеливо дожидавшийся, пока остальные не спеша закончат трапезу. Грэгард, видя это, тем не менее продолжал также сидеть, безотрывно погружённый уже в немые, даже для разума, думы, текущие порой куда более правдивыми потоками где-то в сердце.

– Сегодня ваш приятель передал мне курс нашего следования, – начал капитан, сперва даже не глядя на юношу, – вы точно знаете, куда нам надо идти? – спросил он, чуть понизив голос и подавшись вперёд, смотря молодому человеку в глаза проницательно и внимательно, немного изучающе, с вдумчивым любопытством.

– Да, – уверенно ответил Грэгард, вскоре открыто и серьёзно взглянув на мужчину, – но я не знаю, где найти мастера, – уверил он, после чего усмехнулся капитан, а юноша горько улыбнулся, вновь не отнимая взгляд от неопределённой точки на столе. Привстав, капитан как-то одобрительно пару раз хлопнул Грэгарда по плечу, продолжая смеяться.

И хотя было видно, что у мужчины осталось немало вопросов, после ответа юноши он стал заметно менее настороженным и сдержанным, продолжая разговор в более свойской и дружеской манере, которая была так привычна для него. Он словно почувствовал молодого человека, того настоящего, чьи чувства и мысли в те мгновения не были сокрыты под вуалью социальных игр, домыслов и предубеждений.

– Ладно. Вижу, ты парень хороший, а ежели что, тебе самому отвечать… Посему знай, что мы с командой пойдём куда скажешь.

В ответ Грэгард только кивнул с едва заметной улыбкой благодарности и опустил взгляд, продолжая смотреть куда-то дальше казавшихся обычными вещей…

Погружённым в себя юношей всё вокруг сейчас воспринималось наполненным чувств и воспоминаний, но больше чувств, которые актуализировал весь мир, каждый предмет и даже определённое освещение, будто воспроизводящие в его памяти конкретные переживания, вместе с тем наполняясь для него и настоящими чувствами, мыслями, создаваемой в нём атмосферой этих минут. Несмотря на происходящее, эти чувства всегда были какими-то тёплыми, своими, наполняющими душу, а быть может, и проясняющими её для сознания, как бы откры-

вающими заслонку её кокона. Социально-психологического кокона души, сформированного стихийно, но не без нашего участия, не без нашей ответственности. Хотя существуют и такие механизмы адаптации, которые порой могут лишь сделать более толстыми стенки этого панциря, заглушить внутренний голос. Это просто есть и некоторых своих проявлениях как наша бессознательная защита, что ни в коей мере при избыточности своей не может служить оправданием душевной чёрствости.

– Мы тоже однажды за мастером одним шли, – кажется, уже продолжил недавно начатый рассказ капитан.

За окнами шумело море, величественно, как живое, оно плескалось волнами, ударяющимися о прочные и такие хрупкие перед его мощью борта идущего судна. Море чем-то схоже с людьми. Смотря на простирающуюся гладь, не всегда можно представить его невероятную силу, порой не постижимую разуму, но лишь сердцу, от чего захватывает дух. Эта сила пускай иногда и одухотворённых в людском представлении водных масс, а человек… Кажется, его внутренняя сила другой природы, способная быть куда сильнее… И сильна она своей Любовью. Любовью, думается, лишь с которой мы истинно можем воплощать дар творения, которой соединяются сердца, окутывая ею весь мир. Любовью, которая, кажется, первозданно сильнее всего дурного. И даже определять её через силу представляется неправильным. Она есть смысл, есть суть.

В помещении было тепло. Несколько стоявших на маленьких жестяных блюдцах свечей и тройной подсвечник, которые недавно зажёг капитан, озаряли помещение столовой и воодушевлённые лица сидящих за столом мягким желтоватым светом. Лёгкими трепыханиями огоньков под неуловимыми дуновениями сквознячка и дыханий они погружали всё вокруг в тишь глубокого думами спокойствия, сладость отдающих древесные ароматы стен, на которых играли полупрозрачные тени. Несмотря на порой тяжёлые мысли, всё было каким-то уютным, приятным сердцу, чистым и светлым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.